Конг: Остров Черепа

Автор:
Тим Леббон

Конг: Остров Черепа

Тим Леббон

Кинг-Конг

Только что закончилась война во Вьетнаме.

Американское правительственное агентство «Монарх» собирает группу специалистов для научной экспедиции. На первый взгляд задача кажется несложной: составить карту доселе неисследованного острова в южной части Тихого океана и взять геологические пробы. Правда район исследований печально известен рекордным количеством пропавших без вести кораблей и самолетов, а сам остров с давних времен носит весьма зловещее название.

И все же кто мог предположить, что появление людей на Острове Черепа разбудит неведомые исполинские силы природы, а мирная экспедиция превратится в войну человека с монстром? Войну не на жизнь, а на смерть…

Тим Леббон

Конг: Остров Черепа

Tim Lebbon

Kong: Skull Island – The Official Movie Novelization

© 2017 Legendary. All rights reserved. KONG: SKULL ISLAND and all related characters and elements

© Warner Bros. Entertainment Inc. WB SHIELD: TM & © WBEI. (s17)

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2017

* * *

Пролог

Марло понимал: на этот раз ему конец. Нет, ему не впервые довелось прыгать из обреченного самолета. Этот прыжок был уже третьим – не будь Марло первым из асов своей эскадрильи, мог бы подумать, будто на нем висит проклятье. Но что ж поделать – если ты ас и рвешься в самую гущу боя, будь готов стать главной мишенью для врага.

Однако на сей раз он впервые в жизни покинул самолет, не контролируя ситуацию.

Марло падал. Нет, не парил в воздухе, покачиваясь под уютным парашютным куполом, словно в колыбели. Он стремительно несся вниз. Выброшенный из кабины P-51[1 - «Норт Америкэн P-51 Мустанг» (англ. North American P-51 Mustang) – американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия времен Второй мировой войны. (Здесь и далее – прим. переводчика.)], он отлетел в издырявленный, истерзанный хвостовой отсек самолета и сильно ушиб левую руку и плечо. Теперь Марло едва мог чувствовать их. Раскрыть парашют удалось, однако его закрутило, руки и ноги запутались в стропах, а воздух, сделавшийся вдруг таким упругим и тугим, что не вдохнуть, оглушительно свистел в ушах. Если он не умрет от удушья или от разрыва сердца прежде, чем упадет, удар о землю на такой скорости уж точно будет смертельным.

Перед глазами все мелькало, так что охваченному паникой разуму не сразу удалось собраться и оценить обстановку.

Дымящийся, подбитый «Мустанг» медленно удалялся от него, спускаясь по широкой, пологой дуге к массиву суши, темневшему далеко внизу.

Остров, такой далекий во время воздушного боя, быстро приближался, рос, заполняя собой все поле видимости.

А в небе, в полумиле от Марло, парил еще один парашют.

«Ну, хоть достал этого ублюдка, – подумал он. – Я сбит, но и он не ушел».

От этой новости сделалось легче на душе. Сегодняшний «Зеро»[2 - Мицубиси A6M Зеро – японский легкий палубный истребитель времен Второй мировой войны.], сбитый на тихоокеанском театре военных действий, был семнадцатым на его счету. Мать часто шутила, что число «семнадцать» приносит ей несчастья, потому что именно в семнадцать лет она встретилась с отцом Марло, влюбилась в него и забеременела. Теперь оказалось, что на самом деле это число приносит несчастья не ей, а ее сыну.

Борясь со стропами, летчик внезапно – всего на миг – ощутил поразительный покой и ясность, и замер от потрясения. Свист в ушах стих; забылись остров, море и падающий самолет… Прикрыв глаза, он увидел перед собой красавицу-жену и маленького сына, родившегося совсем недавно, в его отсутствие. Увидел. Запомнил. Осознал, как любит их…

Внезапно стропы за спиной натянулись и рванули вверх, жестко встряхнув Марло. Падение замедлилось, сменившись плавным спуском. Открыв глаза, он поднял взгляд к развернувшемуся куполу, вцепился в стропы, потянул для пробы – влево, вправо…

Парашют послушно скользнул влево, затем вправо.

– А вот не сегодня! – торжествующе закричал Марло.

Но, несмотря на переполнявшее его облегчение, праздновать избавление от неизбежной гибели было рано. Если за следующие несколько минут он сделает хоть что-то не так, то лучше бы ему разбиться при падении, чтоб не мучиться.

Взглянув вниз, он поразился: остров был совсем близко! Сквозь густой тропический туман можно было разглядеть только часть суши. Мягкий изгиб береговой линии выглядел бы весьма заманчиво, если б не устрашающе густые джунгли, начинавшиеся у самого берега и простиравшиеся вглубь острова, насколько хватало глаз. Среди зарослей можно было различить и намеки на негостеприимность рельефа – острые вершины, ущелья, поросшие лесом отроги гор, темные тени долин, в которых могло скрываться все, что только можно вообразить…

Красота лазурного моря внизу завораживала: вода то темнела, то становилась светлее с каждой набегавшей на берег волной. Недалеко от берега навстречу прибою скользнула большая тень. Возможно, от облака в вышине. Или это косяк рыбы… Увидев что-то наподобие взмаха огромного плавника, Марло попытался выровняться и приглядеться…

Внезапно справа раздался оглушительный рев и свист, а затем – грохот, сотрясший воздух так, что купол парашюта всколыхнулся волной. Повернув голову, Марло увидел огромный огненный цветок, распустившийся там, где рухнул на берег сбитый им «Зеро». Рвущиеся боеприпасы расчертили воздух арками горящих трассеров. Разбившийся самолет снес несколько деревьев, и пальмовые листья, точно перья огромных птиц, кружили в воздухе и вспыхивали на лету, опускаясь в огонь. В небо взвился столб дыма.

Ни японского летчика, ни его парашюта нигде видно не было.

Марло приготовился к приземлению. Он собирался спуститься в полосу прибоя – там, где тихо шуршали, набегая на берег, волны. Его несло туда по чистой случайности, но лучше и придумать было нельзя: он надеялся, что мокрый песок и вовремя подоспевшая волна смягчат удар о землю.

Тень в море исчезла.

Марло слегка согнул ноги в коленях, готовясь, по всем правилам, упасть набок, коснувшись ступнями земли. Сделав все в точности как на занятиях, через десять секунд он вновь окажется на ногах, готовый продолжать бой.

Правая нога увязла в песке, и падение на бок вышло жестким. Стропы больно рванули ушибленную левую руку вверх, и в этот миг он услышал и почувствовал,

как где-то позади, совсем близко, столкнулся с землей его собственный самолет.

Марло обмер: сейчас его настигнет струя горящего топлива, пламя слизнет летный комбинезон, кожу, плоть… Он все время клялся самому себе, что никогда не погибнет вот так. Лучше уж разбиться насмерть или словить пулю, чем сгореть заживо. Слишком многие его товарищи умерли таким образом.

Летчика накрыло волной, и на секунду он почувствовал, как вскипает, вздуваясь волдырями, кожа. Затем вода хлынула в рот, его перевернуло, покатило к берегу. Стропы перепутались так, что было не разобрать, где право, а где лево.

Волна отхлынула. Хватая ртом воздух, щурясь от ослепительного солнечного света, он огляделся, пытаясь понять, что происходит, и оценить обстановку.

P-51 зарылся носом в воду в двух сотнях футов от берега. Волны бились о его брюхо; там, где загорелась обшивка, клубился пар. Но взрыва не последовало. По крайней мере, пока.

Справа, в отдалении, на берегу догорал «Зеро».

«Хорошо. Надеюсь, этого ублюдка занесло прямо в огонь…»

И тут Марло увидел за горящим вражеским самолетом бегущую фигуру, искаженную дымом и дрожью раскаленного воздуха. Японский пилот быстро миновал свою машину и с яростным криком устремился к нему. Его меч-катана у пояса болтался на бегу.

Марло вцепился было в стропы, чтобы выпутаться из них поскорее, но тут же передумал: не успеть. Возясь со стропами, можно запутаться еще сильнее, и тогда этот ублюдок возьмет его тепленьким и без помех снесет ему голову одним взмахом меча.

Оставив в покое стропы, он вынул табельный револьвер и поднялся на колено. Намокший парашют потянул назад. Прицелившись, Марло выпустил шесть пуль, надеясь, что хоть раз да попадет.

Японский летчик остановился в пятидесяти футах от него, прижав обе руки к груди.

Марло почувствовал тошнотворный холод в животе. Ему не впервые было убивать – он сбивал самолеты и видел, как они срываются в штопор, вонзаются в землю и горят. Но вот так, лицом к лицу, он не убивал еще никого.

Вражеский пилот взглянул на Марло… и с воплем еще более громким и яростным кинулся к нему.

«Промах! Черт, как же это я?..»

Едва он успел расстегнуть и сбросить подвесную систему, враг открыл ответный огонь. Барабан револьвера был пуст, времени на перезарядку не оставалось, и Марло помчался к зарослям. Пули жужжали над головой, точно разъяренные осы, и каждую секунду он ждал, что вот-вот почувствует их жала.

Но – обошлось.

Пропеченный солнцем песчаный берег сменился тенистыми, тихими джунглями. Контраст был ошеломителен, но Марло понимал, что нельзя мешкать ни секунды. Джунгли, несмотря на всю свою дикую красоту, могли оказаться крайне опасными, если как следует не смотреть под ноги и по сторонам. Любой неверный шаг – и он споткнется и рухнет наземь. Неверно выбранное направление вполне может привести в тупик, заканчивающийся отвесной скалой или непреодолимой расщелиной.

Но враг гнался за Марло по пятам, и ему оставалось только без оглядки мчаться вперед. Любая задержка означала гибель. Тут уж – кто кого, на этот счет у Марло не было ни малейших иллюзий. Что с того, что оба они оказались на необитаемом острове? Между ними – война и кровь. Их схватка в воздухе продолжалась от силы пять минут, но теперь, продолжившись на земле, могла затянуться намного дольше.

Пожалуй, нужно было отыскать подходящее место, укрыться и пропустить джапа[3 - Джап (англ. jap) – пренебрежительное прозвище японцев, сродни русскому «япошка».] вперед. Выиграть время. Перезарядить револьвер. И тихо, крадучись, пуститься в погоню самому.

Если не получится, остается только убегать.

Земля под ногами пошла на подъем. Бежать в горку стало тяжелее, но и преследователю придется замедлить шаг. Марло бежал, отбрасывая с дороги пальмовые листья, уворачиваясь от свисающих с веток лиан, пробиваясь сквозь густую траву и от души надеясь, что под ногу не подвернется змея и ядовитый паук не защекочет за шиворотом мохнатыми лапками. Прежде он никогда не бывал в джунглях, но прошел базовый инструктаж на авианосце и знал, какие опасности могут таиться на этом острове. Хищные животные, ядовитые растения, зараза и паразиты в воде. Плюс злобный японский пилот…

Раздался новый выстрел, и пуля ударила в ствол дерева в десятке футов слева от него. Нырнув вправо и пригнувшись, Марло устремился в глубь острова, раздвигая руками листву и ветки, словно пловец. Враг был слишком близко, чтобы расслабляться. Времени на осторожность не оставалось. Какие бы опасности ни поджидали впереди, они – ничто по сравнению с той, которая настигает сзади.

Подъем сделался заметно круче. Пришлось упасть на четвереньки и двигаться, цепляясь за лианы. Что впереди – сквозь плотные заросли было не разглядеть. Оставалось только надеяться, что склон там не становится слишком крутым: вынужденный двигаться ползком, летчик вмиг превратится в живую мишень.

За спиной раздался торжествующий вопль.

Марло остановился и оглянулся. Японец целился в него, стоя футах в двадцати ниже. На плече его комбинезона зияла обгорелая прореха, и волосы с той стороны головы были сильно опалены. Лицо японца украшала тонкая паутина порезов, оставленных осколками разбитого стекла. Выглядел он, точно демон, явившийся по душу Марло прямиком из адского пекла.

Оскалив зубы в широкой ухмылке, враг нажал на спуск…

И тут же ухмылка исчезла с его лица: вместо нового выстрела последовал негромкий щелчок. Обойма его «Намбу»[4 - Штатное оружие японских летчиков времен Великой Отечественной войны – восьмизарядный пистолет «Намбу» тип 14 обр.1932/1934 гг.] тоже был пуста!

Издав резкий, лающий смешок, Марло снова полез вверх. Судя по звукам сзади, враг устремился за ним. Только бы добраться до места поровнее… Там можно будет принять бой. С виду японец пострадал куда сильнее Марло, и этим преимуществом следовало воспользоваться.

Некоторое время склон шел на подъем. Вскоре Марло совсем вымотался – сырость и неподвижность воздуха словно высасывали из него энергию, лишая сил. Он часто оглядывался назад, на преследователя. Упорство японца против воли впечатляло.

Впечатляло и пугало.

Склон стал еще круче, сплетение кустов и деревьев казалось все гуще и гуще. В сумраке теней огромных листьев мог скрываться кто угодно – вот-вот выскочит, укусит, ударит, ужалит…

Крутой склон кончился так же внезапно, как и начался. Перевалив край гребня, Марло упал на спину, откатился вбок и встал – изнуренный, истекающий потом. Он огляделся в поисках бревна, камня – чего угодно, чем можно швырнуть в карабкающегося за ним врага и сбить его вниз или хотя бы ранить, чтобы легче справиться с ним. Но японский летчик оказался ближе, чем он полагал.

Вначале он увидел меч. Поднявшийся над краем гребня клинок блеснул в лучах палящего солнца.

Марло развернулся и бросился бежать, но, сделав десяток шагов, резко затормозил – и как раз вовремя. По другую сторону гребня оказался отвесный обрыв, и дно его было скрыто густой, непроглядной тенью. А путь вдоль гребня преграждали огромные острые камни и угрожающие осыпи по обе его стороны.

Оставалось лишь принять бой – здесь и сейчас.

Услышав за спиной шаги, он быстро обернулся, подняв левую руку, закрываясь от удара мечом. Но лезвие свистнуло в воздухе, не встретившись с плотью. Бросившись навстречу врагу, Марло ударил с правой – и попал в горло. Японец захрипел и выронил меч. Упавшая катана подпрыгнула, зазвенев о камень.

Японец скосил глаза влево, провожая взглядом упавшее оружие. Марло жестко пнул его в левое колено. Вскрикнув, враг рухнул наземь, и Марло тут же навалился на него сверху.

Земля вздрогнула.

Марло бил вновь и вновь. Казалось, земля содрогается всякий раз, когда его кулак врезается в скулу или челюсть противника.

«Странно…» – подумал Марло. Но времени на раздумья не было.

Японский летчик под ним извернулся, и Марло услышал отчетливый шелест ножа, выхваченного из ножен. Перекатившись на бок, он хотел было встать, но успел лишь подняться на колени. Японец уже летел на него, сжимая нож в правой руке. Лицо врага было красным от крови.

Японец взмахнул ножом, целя в горло, и Марло поймал его за запястье. Они сцепились лицом к лицу. Теперь исход схватки решала только сила. Кожей чувствуя жаркое дыхание врага, Марло взглянул в его глаза и увидел в его взгляде нечто – словно бы часть самого себя.

На миг их взаимная ненависть угасла.

И тут земля под коленями содрогнулась так мощно, что от удара Марло завалился на бок. С трудом он поднялся на четвереньки, хватая ртом воздух, точно загнанная лошадь, силясь вдохнуть – и заодно понять, что происходит.

Невдалеке от них приземлилось… нечто. Огромное, похожее на темный, почти черный валун, поросший слоем какой-то вздыбленной щетины. Возможно, черными кактусами. Густые колючие иглы вздрогнули, всколыхнулись – обросшая ими громада внезапно развернулась, растянувшись по скалистому гребню.

Еще один невероятно мощный толчок – и Марло рухнул на спину. С другой стороны, футах в тридцати, на гребень приземлился еще один непонятный огромный объект.

В темном ущелье по ту сторону гребня зашумело, словно кто-то или что-то поднималось наверх.

«Землетрясение?! – подумал Марло. – Вулкан?!»

Нараставший грохочущий звук мог означать и то и другое. Но нет, дело было не в природных катаклизмах, а в чем-то совсем ином.

Наверх – все выше и выше – взбиралась какая-то темная фигура. Ее руки – руки? – с легкостью крошили камни, ломали скальные выступы, подтягивая гигантское тело и с каждым разом вскидывая его намного выше очередной точки опоры. Оказавшись наверху, фигура затмила собой солнце, и в ее тени Марло с летчиком-японцем сделались совсем крохотными. Одно ее присутствие разом превратило все, из-за чего они дрались, в пустую блажь.

Грохот сменился рокочущим рыком, от которого задрожала под ногами земля.

Только теперь, увидев пару невероятно огромных глаз, устремленных прямо на него, Марло начал что-то соображать. Но понять, что перед ним, это не помогло.

Марло и его враг замерли в ожидании…

Глава первая

– Мир окончательно съехал с катушек и пускает слюни прямо нам на порог!

Брукс вел машину. Билл Ранда глядел в окно. Если бы он лишь на миг закрыл глаза, то мог бы вообразить, что они где-то очень далеко от той Америки, которую он знал и любил. К этим улицам он не привык и не питал к ним теплых чувств. Нет. Совсем не о таком будущем мечтал он в детстве…

– Нужно быть позитивнее, – сказал Брукс с водительского сиденья. – Это полезно для здоровья.

– Правда?

– Точно.

– Вспомни об этом, когда застрянешь вот так же.

С этими словами Ранда указал направо. Впереди была заправочная станция, и в очередь к ней на обочине, заняв аварийную полосу, выстроилась длинная вереница автомобилей. Очередь вытянулась по меньшей мере на четыреста ярдов[5 - Речь идет о последствиях нефтяного кризиса 1973 года. 17 октября арабские страны – производители нефти во главе с Саудовской Аравией заявили, что не будут продавать нефть государствам, поддержавшим Израиль в его конфликте с Сирией и Египтом. В результате в США наступил дефицит бензина, несмотря на повышение цен.]. Вдоль нее было припарковано несколько полицейских машин. Рядом с ними, развернувшись лицом к водителям, торчали копы. Водители вели себя по-разному. Одни просто скучали, устало усевшись на капоты и прикрыв глаза от солнца, другие были в ярости – что-то кричали, размахивали руками, полицейские увещевали их… Из-за шума потока автомобилей криков было не разобрать, однако Ранда легко мог представить себе, какая там стоит ругань.

На территории заправочной станции творился сущий бедлам. Из всех терминалов работал только один, но, похоже, после долгого ожидания на обочине любые понятия об очередности при въезде на территорию станции заканчивались. Ранда был очень рад, что сам избавлен от этого. Его организация имела доступ к государственным запасам топлива, и временами он чувствовал себя виноватым перед согражданами, но чувство облегчения неизменно оказывалось сильнее.

– Люди недовольны, – продолжал Ранда, – и кто может их винить? Это знак времени. Вот, кстати говоря… – он показал налево. Там, с балконов жилых домов, свисали лозунги с требованиями «Мира сейчас же!» и другими подобными призывами. – Вьетнам, Уотергейт[6 - Уотергейтский скандал разразился в 1972 году после того, как в штабе кандидата в президенты от демократической партии США были задержаны люди, устанавливающие подслушивающую аппаратуру. В результате в 1974 году президент Никсон был вынужден досрочно подать в отставку. Это было единственным за всю историю США случаем, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение своих обязанностей.], демонстрации на улицах… Горящие города… Как будто

конец света наступил!

Брукс мельком глянул на Ранду и поднял бровь. Ранда ожидал от него какой-нибудь колкости, но его спутник промолчал. Брукс быстро привык к нечастым философствованиям Ранды. Обычно его прорывало в ситуациях вроде сегодняшней, когда их будущее висело на волоске. Ждет ли их слава и почет, или прозябание в неизвестности? На кон было поставлено все, и Ранда прекрасно понимал, что невольно приписывает встревоженным народным массам собственную нервозность.

– У некоторых, по крайней мере, есть чувство юмора, – заметил Брукс, тормозя у светофора.

Ранда не сразу понял, что он имел в виду. Через улицу, наискосок от них, кто-то испортил афишу кинотеатра. Фильм назывался «Избавление»[7 - «Избавление» (англ. Deliverance) – кинофильм режиссера Джона Бурмена; считается одним из лучших фильмов 1972 г.], а ниже краской из баллончика было приписано «…от Никсона!».

Сначала Ранда хихикнул, но эти признаки брожения умов только усугубили его тревоги. Мысль о том, что общество не в состоянии позаботиться само о себе, не могла не внушать беспокойства. А если придется столкнуться с еще более серьезной угрозой? С катаклизмом всепланетного масштаба? Хотелось бы верить, что человечество способно выстоять.

Ах как хотелось бы верить…

– О’кей, пускай. Пуская вешают лозунги, идут на марши… Но если вдруг на самом деле наступит полная задница?.. Что тогда?

Брукс молча повел машину дальше. Сидя на пассажирском сиденье, Ранда крепко прижимал к груди портфель. Неумолимое будущее, а вместе с ним и его цель – истинная цель всей его жизни – приближались с каждой минутой.

* * *

Казалось, жгучее полуденное солнце готово превратить здание Конгресса в угли. Обычно, оказавшись здесь, Ранда не жалел времени – он непременно остановился бы, чтобы восхититься величественной архитектурой и проникнуться атмосферой этого места, самого сердца любимой страны. Но не на этот раз. Срочная надобность гнала вперед, да еще волнение и нервы сыграли злую шутку с желудком.

Не надо было есть те оладьи на завтрак…

Спеша на назначенную встречу, Ранда почти бежал вверх по широким ступеням, и Бруксу пришлось попотеть, чтобы не отстать. Ранда знал, что молодой человек здесь впервые, и хотел бы дать ему время освоиться, но времени не было.

– В Вашингтоне такое творится, что и не вообразить, – говорил Ранда на ходу. – Политики между собой все в контрах. А если бы и не это, у ребят с Капитолийского холма все равно связаны руки. Им даны указания резать бюджет, а денег на инфраструктуру и основные потребности и так нет. И вокруг этого столько шума, что они могут не оценить важности нашего проекта.

– Так, может, сейчас не лучшее время для просьб? – спросил Брукс.

Ранда остановился, не дойдя трех ступенек до верха лестницы, и бросил на молодого спутника испепеляющий взгляд.

– Ну… мы же не «инфраструктура» и не… «основные потребности», – пояснил тот.

– Выживание, – отрезал Ранда. – Это основная потребность или нет? «Монарх» на грани закрытия, Брукс. Мы банкроты. Когда же еще просить, если не сейчас?

Ранда вошел в здание Конгресса. Брукс последовал за ним, и огромный вестибюль как будто принял их в мягкие, прохладные объятия. Но, как ни приятно было укрыться от палящего солнца, Ранда был слишком сосредоточен на цели визита, чтобы радоваться этому.

Они пересекли вестибюль. Дорогу Ранда помнил наизусть. Пройдя по широкому коридору и повернув налево, они оказались в комнате поменьше, перед широкой

и высокой стойкой. Здесь Брукс занервничал и вновь принялся высказывать те самые сомнения, от которых Ранда пытался избавиться последние несколько дней.

– Я не уверен в наших материалах, – заговорил он. – В смысле, наши материалы уж очень разрозненны, и…

Ранда открыл было рот, чтобы назвать их имена женщине за стойкой, но тут его внимание привлек мерцавший в углу экран телевизора.

– Я бы за день привел их в порядок и даже переплел… – продолжал Брукс, но Ранда поднял руку, призывая его помолчать.

На телеэкране появилось лицо Никсона. Кто-то из персонала заметил это и прибавил звук.

– …перемирие под международным контролем[8 - 27 января 1973 г., день подписания Парижских мирных соглашений, в результате которых американские войска были выведены из Вьетнама к концу марта 1973 года.] начнется в семь часов вечера в эту субботу, – сказал президент с экрана.

– У нас нет ни единого лишнего дня, – возразил Ранда.

Он постучал по стойке, привлекая внимание секретарши, кашлянул и улыбнулся со всем обаянием, на какое был способен:

– Здравствуйте. Билл Ранда, к сенатору Уиллису.

Женщина за стойкой молчала, переводя взгляд с Ранды на Брукса и обратно.

– Что-то не так? – спросил Ранда.

– Ах, мистер Ранда, я думала… Видите ли, сэр, мы пытались перенести назначенную на сегодня встречу…

Дверь за ее спиной отворилась, она осеклась, оглянулась, и плечи ее тут же безнадежно поникли. Похоже, она решила, что на этом ее карьера здесь

кончена.

В дверях стоял сенатор Эл Уиллис – высокий, загорелый, седой. Некоторые сказали бы, толстый, но за его полнотой скрывалась недюжинная сила, и Ранда, как никто другой, знал, что с ним не стоит шутки шутить. Сенатор был зол и возбужден – лицо покраснело, губы сжаты. Казалось, он и не заметил Ранду и Брукса: взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Но рассеянность сенатора не смутила Ранду. Переступив с ноги на ногу, он громко кашлянул. Заметив его, сенатор Уиллис замер.

– О господи, – сказал он.

– Эл! – воскликнул Ранда, широко улыбнувшись. – Прекрасно выглядишь.

Несколько секунд Уиллис смотрел на Ранду и Брукса… и просто забыл об их существовании. Эта его манера всегда приводила Ранду в замешательство – сенатор как бы занимал собой все помещение, сколько бы людей там ни находилось, и от одного его взгляда или слова все вокруг чувствовали себя какой-то мелочью, не более трех дюймов ростом. Сенатор молча протянул к секретарше руку. Та точно знала, что он нее требуется, – пошарив в ящике стола, она нашла упаковку «Ролэйдс»[9 - Лекарство, используемое при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта.] и вложила ее в руку босса.

– Ранда, ты разве не получил мое письмо? – спросил Уиллис, вытряхивая в ладонь несколько таблеток и отправляя их в рот. – О переносе встречи?

Говоря, сенатор продолжал рассматривать упаковку лекарства, словно таблетки интересовали его гораздо больше, чем люди, стоящие перед ним в каких-то пятнадцати футах. Если он намеревался обезоружить их, то почти преуспел.

– В пятый раз? – спросил Ранда. – Прости. Наверное, я его пропустил.

Уиллис ответил на его сарказм резким взглядом. Он не привык, чтобы с ним разговаривали в подобном тоне, но именно такой реакции и добивался Ранда.

– Сенатор, если бы не срочность, меня бы здесь не было, – сказал он. – Я знаю, что у вас хлопот полон рот, но уделите немного вашего драгоценного времени

нашему маленькому, но очень важному делу.

Вместо ответа Уиллис лишь перенес пассивную агрессию на другой объект. Повернувшись к Бруксу, он смерил его взглядом:

– А это еще кто?

– Хьюстон Брукс, мой коллега, специалист по вопросам полой Земли.

Брукс сделал шаг вперед, наклонился над стойкой и протянул через нее руку с самодовольной улыбкой на лице. Ранда вздохнул про себя. Как он еще молод… Общению с людьми вроде сенатора Уиллиса ему еще учиться и учиться…

Уиллис даже не взглянул на Брукса, и тот так и остался неуклюже стоять с протянутой рукой. После неловкой заминки он шагнул назад и посмотрел на секретаршу. Та мимолетно улыбнулась.

– И сколько ему, пятнадцать? – спросил Уиллис.

– На самом деле мне двадцать два, – сказал Брукс. – Только закончил Йельский университет. Сейчас на стажировке.

Он оглянулся на Ранду в поисках поддержки, но тот только вздохнул и покачал головой. Все шло не так, совершенно не по плану. Ранда знал, что сенатор готов на все, лишь бы избежать встречи – в последний раз он ясно видел его спину в конце коридора, как раз когда секретарша на голубом глазу уверяла, будто он на конференции в Канаде, – однако упорство должно было оправдать себя. А Брукс вел себя как наивный юнец из какого-нибудь телесериала, что давало Уиллису все поводы выставить вон их обоих.

Но зато наивность Брукса, похоже, произвела впечатление на секретаршу. Она подчеркнуто избегала смотреть на него, а он даже и не знал, что это значит, что все ее внимание сосредоточено на нем.

Да, учиться ему еще и учиться.

– Прошу тебя, Эл, – сказал Ранда. – Ради старых добрых времен.

Сенатор тяжело вздохнул. Действительно, у них имелось общее прошлое, и сейчас оно на миг легло всем своим весом на широкие плечи сенатора. В последнее время эти двое общались лишь изредка, но они вместе учились в колледже, играли в футбол в одной команде, пили в одних и тех же барах и танцевали на одних и тех же вечеринках. Правда, всего год. Потом семья Ранды переехала в Южную Америку, и его тоже повлекла за собой экзотика Амазонки. Но ни один из них не мог отрицать всего, что они пережили вместе за этот год, и Ранда точно знал, что в глубине души сенатор, как и он сам, хранит о тех временах самые теплые воспоминания.

Однако одними этими воспоминаниями дело не ограничивалось. Были и другие – вызывающие стыд и чувство вины, а может, даже страх. Прежде Ранда ни разу не упоминал этих острых моментов их прошлого – ни словом, ни даже намеком. Но сенатор Уиллис знал, что они здесь, висят над головой, как спелые плоды, которые можно и сорвать, если возникнет нужда. Правда, возникнуть она могла только у Ранды. Его репутации откровения об употреблении наркотиков и участии в декадентских оргиях уже не могли бы повредить.

А вот сенатору было что терять.

Упоминание о «старых добрых временах» было тонким намеком на скелеты в шкафу сенатора и на тот факт, что у Ранды есть ключ от этого шкафа.

– Джейн? – спросил сенатор.

– У вас и в самом деле не так много времени, – ответила секретарша, раскрыв ежедневник на стойке и бросив на Ранду с Бруксом сердитый взгляд. – В самом деле.

– Мы будем кратки, – сказал Ранда, огибая стойку и направляясь к Уиллису, все еще стоявшему в дверях. Брукс последовал за ним. – А ты толстеешь, Эл, толстеешь.

– Ты тоже, Билл.

– Это называется старость, – заметил Ранда.

– Скажешь тоже. В этом году мне исполнилось шестьдесят, а чувствую я себя максимум на сорок!

Уиллис развернулся и прошел в свой кабинет, кивком велев обоим следовать за ним. Брукс аккуратно прикрыл за собой дверь.

Ранда уже бывал здесь и знал, что его ждет, а потому лишь улыбнулся, услышав вздох Брукса. До этого его спутник никогда не бывал в сенаторских кабинетах. Возможно, у него имелись какие-то представления о том, чего ожидать, но действительность потрясла его не меньше, чем Ранду, когда он впервые в жизни вошел в офис к сенатору. То было шестнадцать лет назад, и сенатор был другим… Что ж, люди меняются, но любовь к роскоши остается прежней.

Кабинет был огромен – почти сорок на сорок футов. Между двумя высокими – от пола до потолка – окнами стоял большой дубовый стол и кресло, развернутое так, чтобы свет из окон падал на стол из-за спины сидящего. На столе кроме нескольких папок с документами, двух телефонов и стаканчиков с ручками и карандашами стояла маленькая статуэтка, изображавшая ныряющую русалку и стоившая, как подозревал Ранда, больше, чем он зарабатывал за месяц. В другом конце кабинета лицом друг к другу стояли два дивана, разделенные широким низким столиком. Стеклянная столешница была сплошь завалена журналами и газетами, уставлена чашками из-под кофе, пепельницами и бокалами. Посреди столика возвышался хрустальный графин, до половины заполненный темной, бронзового оттенка жидкостью. Ранда знал, что внутри – отменный односолодовый виски. Вкусам сенаторов имеет смысл доверять.

На стенах висели картины, на деревянных постаментах стояли еще несколько небольших статуэток, в углу – большой телевизор с четырьмя креслами перед ним, а возле окна – прекрасно укомплектованный бар. Ранда помнил: Уиллис всегда любил выпить.

Сенатор сдернул пиджак с высокой спинки кресла у стола и сунул руки в рукава.

– Я уже опаздываю, – сказал он. – У вас пять минут.

Ранда сел в кресло перед столом сенатора и жестом велел Бруксу сделать то же самое. Ему все еще было жарко после бешеной гонки через весь город, всю дорогу его одолевали страхи, что их не пустят к сенатору, что он дал охране

инструкции отправить их восвояси, что его может действительно не оказаться на месте. Теперь торопиться было некуда: где пять минут, там и десять. А перед предстоящим разговором очень важно спокойно сесть и отдышаться.

Если нужно, он на колени перед ним встанет…

Уиллис уселся поудобнее, положил руки на стол и подался вперед.

– Так за какими воображаемыми монстрами ты охотишься на сей раз?

– Ценю твой юмор, Эл, – сказал Ранда, – снимает напряжение. Секунду… – Он открыл лежащий на коленях портфель и достал картонную папку. Аккуратно положив ее на стол перед собой, он вытащил несколько отдельных страниц с текстом и изображениями, сложил их стопкой, перелистал и передал одну из страниц Бруксу.

Пока Ранда возился с портфелем, Уиллис собирал свой, готовясь к неминуемому отбытию. Портфель его был хорош – добротный, солидный, с металлическими уголками, кодовым замком и прочной ручкой, которую при нужде можно пристегнуть к запястью наручниками. Определенно, Эл весьма преуспел в жизни. Ранда был рад за него и надеялся, что к концу дня сможет порадоваться и за самого себя.

Привстав, Ранда подал Уиллису большую фотографию. Взглянув на нее, сенатор вновь поднял взгляд на Ранду и слегка изогнул бровь, словно спрашивая: «И что с того?»

– Это спутниковый снимок одного неисследованного острова в южной части Тихого океана, недалеко от Кирибати[10 - Кирибати – тихоокеанское островное государство, расположенное в Микронезии и Полинезии.], – объяснил Ранда. – До последнего времени о его существовании практически никто не знал, но история мореплавания пестрит упоминаниями о нем – если, конечно, знать, что искать. Испанские мореходы назвали его «Исла дель Кранео» – Остров Черепа. Существуют также тексты, называющие его «островом, где Господь не завершил Творение». Этот район печально известен рекордным количеством пропавших без вести кораблей и самолетов.

– Еще один Бермудский треугольник, – хмыкнул сенатор Уиллис.

Брукс заерзал в кресле, готовясь возразить, но Ранда взял у него из рук страничку и между делом ткнул молодого коллегу локтем, веля заткнуться. Он знал, как разговаривать с Уиллисом, и отвечать злостью на его сарказм означало испортить все дело. Сенатор должен быть уверен, что нить беседы в его руках.

– В каком-то смысле да, – ответил Ранда. – Но мы считаем, что тут скрывается намного большее.

Он взглянул на фото, взятое у Брукса, и на миг замер – как всегда, когда смотрел на это изображение. Он видел его уже сотни раз и был готов рассматривать его бесконечно, пока не разгадает его тайны. Может быть, если как следует всмотреться в размытые, расплывчатые контуры волн, шкуры и костей, ему наконец станет ясно, что это такое?

Он положил фото на стол и толкнул его к Уиллису. Сенатор придержал снимок пальцем, чуть довернул, пригляделся… и улыбнулся. Он тоже уже видел это изображение, и, в отличие от Ранды, воспринимал его совсем иначе.

– Ядерные испытания по программе «Касл Браво» в пятьдесят четвертом году были вовсе не испытаниями, – сказал Ранда. – Там, на Бикини, пытались уничтожить кого-то. В этом я абсолютно уверен. Думаю, и ты, Эл, тоже. Думаю, ты понимаешь, что это.

Уиллис поднял взгляд на Ранду, улыбаясь все той же ничего не означающей улыбкой.

– Чтобы сосуществовать с этими созданиями, мы должны знать, где они обитают. А обитают они, как мы полагаем… – он покосился на Брукса, – как я полагаю, обитают они на этом самом острове.

Наступила тишина. Некоторое время Уиллис смотрел то на Ранду, то на Брукса, ожидая продолжения. Наконец он рассмеялся, щелчком пустил фото обратно через стол и захлопнул свой портфель.

– Во-первых, Билл, никто не доказал, что это «создание» – не обыкновенный кит, пострадавший от взрыва. Значит, все это – сказки.

В ответ Ранда поднял свой портфель и постучал по эмблеме «Монарха» на боку.

– Гарри Трумэн, учредивший «Монарх» в тысяча девятьсот сорок седьмом, отнюдь не считал, что все это сказки.

Уиллис проигнорировал его замечание и, даже не взглянув на эмблему, продолжал:

– Во-вторых, даже если это был не кит, а некое неизвестное существо, с тех пор о нем ни слуху ни духу. И в смысле разбазаривания средств неизвестно на что «Монарх» бьет все рекорды, на пару с программой СЕТИ[11 - Проект СЕТИ (англ. SETI, Search for Extraterrestrial Intelligence) – общее название проектов и мероприятий по поиску внеземных цивилизаций и возможному вступлению с ними в контакт.].

– Ну, уж эти-то и вправду чокнутые, – запротестовал Ранда.

– Мой ответ – нет.

Сенатор подхватил портфель и стремительно вышел из кабинета, оставив дверь широко открытой и ни разу не оглянувшись.

Брукс поднял брови.

– М-да, хороша была попытка, – обескураженно сказал он.

Не обращая на него внимания, Ранда встал и поспешил за Уиллисом. Он чувствовал, что упускает шанс, и невольно вспомнил о том, как уже бывал здесь с теми же фотографиями и теми же просьбами. Он был убежден, что Уиллис знает больше, чем говорит. Почти наверняка сенатор кое-чему да верил. Но как, как пробить эту броню незаинтересованности и скептицизма, за которой он предпочел спрятаться? Эту проблему следовало решить – и незамедлительно.

Ведя за собой Брукса, он остановился у стойки, посмотрел направо, налево… Несколько человек слонялось по просторному вестибюлю, но Уиллиса среди них не было. У Ранды упало сердце. Сенатор просто отмахнулся от них и оставил тут сосать лапу…

«Ради старых добрых времен»… – подумал Ранда, вспомнив пару моментов, которые сенатор Эл Уиллис предпочел бы не обсуждать даже в частной беседе – не то что на публике.

Но Билл Ранда не таков. Конечно, он не станет рушить карьеру сенатора. Беда была лишь в том, что и Уиллис знал это. Ранда полагал, что играет с сенатором по своим правилам, но его обыграли.

– Билл, – окликнул его Брукс, остановившийся рядом с секретарской стойкой.

Секретарша Уиллиса смотрела на чистый лист бумаги перед собой, держа наготове ручку и постукивая пальцами свободной руки по столешнице. Встретившись взглядом с Рандой, Брукс кивнул на неприметную дверь в нише – всего в дюжине футов от двери в кабинет.

– Спасибо, – негромко сказал он секретарше и двинулся вперед. Ранда направился следом.

За дверью оказался широкий коридор, и Ранда увидел впереди Уиллиса. Тот, полагая, что они достаточно сбиты с толку, даже не торопился. Наверное, предстоявшая встреча была не такой уж срочной.

Они устремились за сенатором. Тот заметил их, только когда они поравнялись с ним, негромко выругался и покачал головой.

– Через неделю такой возможности уже не будет, – сказал Ранда.

– Ранда, хватит за мной гоняться. Денег не дам!

– А кто сказал, что мне нужны деньги? – возразил Ранда. Этот ответ должен был удивить и остановить сенатора. И он сработал. Им вновь удалось привлечь внимание Уиллиса. – Разве что совсем немного, но…

Уиллис двинулся дальше.

– Позвольте-ка мне, – сказал Брукс, вклинившись между Рандой и Уиллисом и взяв сенатора за рукав.

Уиллис повернулся к нему и уставился на пальцы Брукса на своем рукаве. Но молодого человека не так легко было смутить.

– Послушайте, сенатор, НАСА посылает на этот остров экспедицию в рамках программы «Ландсат»[12 - LANDSAT (от англ. land + satellite) – программа получения спутниковых фотоснимков планеты Земля. Первый спутник в рамках этой программы был запущен в 1972 г.]. Им нужно маркировать область для дальнейших съемок. Мы можем упасть к ним на хвост и поделить расходы, это сильно снизит стоимость экспедиции. С вашего разрешения, естественно.

– И что вы думаете там найти?

– Ресурсы, – ответил Брукс.

«Вот это сенатор точно не оставит без внимания», – подумал Ранда. Инстинкты призывали его заткнуть Брукса и продолжить разговор самому, но он сдержал себя.

Стажер между тем продолжал:

– Кто знает? Лекарство от рака, полезные ископаемые, альтернативное топливо, новый стратегический опорный пункт под контролем США…

Уиллис медленно кивал. Стоило Бруксу умолкнуть, последовал новый кивок – приглашающий продолжать.

– Честно говоря, сенатор, пока мы точно не знаем, что там. Но зато знаем, что завтра ночью над этим сектором пройдет русский «Новсат». В течение трех дней они получат те же снимки, что и мы.

– А почему раньше ни у одной из стран не было этих снимков?

– Грозовой фронт, – пояснил Брукс. – Остров находится в центре практически постоянной штормовой системы, порождаемой взаимодействием течений и восходящих воздушных потоков, и, насколько нам известно, впервые в ней появится просвет. По крайней мере, впервые с тех пор, как у нас есть спутники для съемки поверхности Земли.

– Так, значит, русские это тоже увидят, – пробормотал сенатор себе под нос.

– Да. И что бы там на острове ни было, лучше нам найти это первыми, – сказал Брукс.

Уиллис взглянул на часы и почесал подбородок. «Он задумался над этим!» – отметил Ранда, стараясь сдержать воодушевление. Он знал, что, если Уиллис задумается над чем-то, шестеренки у него в голове завертятся, и идея пустит корни. Требовался лишь небольшой толчок – этим-то толчком и послужили слова Брукса.

– Не могу поверить, что говорю это вслух, – сказал сенатор, – но в этом уже есть какой-то смысл. – Он посмотрел на Ранду. – В следующий раз не встревайте со своими монстрами. Пусть лучше говорит этот парень из Йеля… Хорошо, Ранда. Я дам вам разрешение прокатиться с ними, но это в последний раз.

Ранда часто закивал. Сенатор повернулся и шагнул вперед.

– Ах да, сенатор, еще одно, – сказал Ранда.

Уиллис раздраженно затормозил и обернулся. Он был готов разразиться громами и молниями, но Ранда уже знал, что они победили.

– Что еще, Ранда?

– Нам понадобится сопровождение военных.

Сенатор рассмеялся, но Ранде показалось, что смех его был не таким искренним, как в прошлый раз.

– На случай встречи с монстрами, да? – спросил Уиллис. Брукс с Рандой промолчали. – О’кей, пусть будет. На случай встречи с монстрами.

Глава вторая

Уорент-офицер[13 - Уорент-офицер (англ. Warrant Officer) – группа воинских званий в англоязычных странах. По статусу уорент-офицер занимает промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами, обычно выполняет функции технического специалиста.] Глен Миллс не сомневался, что товарищи проникнутся к его детищу и к нему самому самой нежной любовью. Нет, пива-то им и без того хватало, но такого пива они еще не пробовали. Сваренное одной из лучших наземных команд техобслуживания Третьей вертолетной транспортно-десантной роты (она же – «Небесные Дьяволы») только из натуральных ингредиентов, с использованием фильтрационной системы собственной конструкции, собранной из потрохов старого «Хьюи»[14 - «Хьюи» (англ. Huey) – Белл UH-1 «Ирокез» (англ. Bell UH-1 Iroquois) – американский многоцелевой вертолет, одна из самых известных и массовых машин в истории вертолетостроения.], это пиво вполне могло бы применяться взамен напалма. Если б война еще продолжалась, конечно.

Но война кончилась.

«Домой еду… Надо же, домой», – снова подумал Миллс. Эта мысль беспокойно копошилась в затуманенном пивом мозгу. На протяжении всех трех его боевых командировок мысли о доме неизменно успокаивали нервы, но чем больше времени Глен проводил здесь, тем более чужим местом становился для него родной дом. Последний отпуск дома он провел, меряя шагами окрестности и с нетерпением дожидаясь следующей командировки. Он понимал, что это – перекос, и вовсе не хотел стать одним из тех, кто привык к войне, вжился в нее и не представлял себе другой жизни, кроме боевого товарищества. И до сих пор был уверен, что сам – не из таких. «Скоро приеду домой, – снова подумал он, стараясь вспоминать только о хорошем: мать у плиты готовит ужин; мягкие губы Джейн Бродерик; закат над возвышающимся над городом холмом, куда они подростками бегали обжиматься-целоваться… – Приеду – в лепешку расшибусь, но снова стану чувствовать себя как дома».

Он пошел напрямик, через дальнюю стоянку, где резали машины, списанные в утиль. Здесь стояло с дюжину «Хьюи» – большей частью уже разобранных на металлолом. Над остальными трудились разборочные бригады: визжали сверла дрелей и диски пил, стонал и скрежетал разрываемый металл… Порой при этих звуках Миллс словно вновь оказывался среди боя. Остановившись у одного из вертолетов, он осмотрел нарисованного на борту грифона – полульва-полуорла, эмблему «Небесных Дьяволов». «Надо бы вырезать его отсюда»… Эта мысль приходила ему в голову и прежде. Хотелось увезти одного из этих грифонов

домой, да все никак руки не доходили. Может, и не дойдут. Тогда единственным сувениром с войны останутся воспоминания. Как хорошие, так и плохие.

Втащив бочонок в старый центр управления, он пинком захлопнул за собой дверь.

Ребята все еще праздновали. В большом помещении не было никого, кроме группы «Небесных Дьяволов», устроившихся в углу. Они плясали, расплескивая пиво, меняли пластинки на портативном проигрывателе Сливко и вовсю наслаждались новой, послевоенной жизнью. В их веселье чувствовалась какая-то истерическая надрывность – раньше Миллс ничего подобного не замечал. Раньше причиной подобных истерических настроений была реальная угроза гибели при выполнении следующего задания. Теперь же дело было прямо в противоположном – в полной безопасности… Сколько же времени потребуется, чтобы заново привыкнуть к ней?

Задержавшись на миг, он окинул взглядом длинную стену. На ней все еще висел ряд фотографий – портретов их погибших друзей с выписками из приказов об объявлении благодарностей и медалями, приготовленными к отправке домой, родным и близким. С некоторых снимков улыбались, обнявшись на фоне своих машин, разбившихся со всеми ними на борту, целые экипажи. Многие, так и не найденные, навеки остались догнивать в чаще джунглей, точно уродливые памятники из костей и металла. С других фото смотрели парни, которым не повезло словить пулю во время боевого вылета. Миллс давно потерял счет, сколько раз после боя ему приходилось отчищать кабины «Хьюи» от крови и ошметков мяса.

– Эй, Миллс! – заорал один из техников, Джо Релес. – Раздобыл подарок своей девчонке?

– Это вам, дебилоидам, – ответил Миллс.

– О, вот это правильно! Верно мыслишь: нет смысла волочь подарки домой, своей милашке!

Пособив Миллсу поставить бочонок на пол, Релес весело хлопнул его по плечу, со звучным хлопком откупорил бочонок и принялся разливать его содержимое, а остальные разразились торжествующими воплями. Варево Миллса могло свалить

с ног одним только запахом.

– А вы как думали? Все мы здесь ангелами не были, – сказал Глен. – И теперь, когда войне конец, глупо ожидать, будто вернетесь домой и найдете своих женщин прямо там, где их оставили.

– Я свою оставил в койке, совсем заезженной и страстно ждущей моих ласк! – захохотал Сливко.

Этот молодой хиппарь из Детройта смеялся чему угодно, по поводу и без, но теперь Миллс чувствовал в его смехе нотку отчаяния. Служил он хорошо, но пару раз срывался из-за чрезмерного увлечения дурью, которую здесь так легко было раздобыть. Сливко полагал, что наркотики помогут заглушить боль, но на собственном горьком опыте убедился, что, избавляя от одних страданий, они неизменно приносят с собой другие. Впрочем, теперь он с этим завязал. Миллс от души надеялся, что парень и по возвращении домой не потеряет головы.

Коул, как всегда, просто смотрел на Миллса сквозь летные очки. Коул куда чаще смотрел и слушал, чем говорил.

– Точно. Одного Коула это не касается, – продолжал Миллс, в свою очередь уставившись на него. – Он найдет свою женщину именно там, где ее оставил. У себя дома, в подполе.

Коул и бровью не повел.

– Улыбнись же, братишка, – сказал Сливко. – Только подумай: пицца, гамбургеры, прохладные ночи с горячими девчонками!..

– Ну, хоть губу скриви, чтоб мы видели, что ты еще жив, – добавил Миллс, шагнув ближе к Коулу. Несчетное множество раз они летали вместе на боевые задания, а в одном приснопамятном вылете спасли друг другу жизни. Это дорогого стоит. Однако он до сих пор не мог понять этого парня. Что там, в глубине, за его холодной невозмутимостью? Этого Миллсу до сих пор не удалось разглядеть. – А то ошибемся рейсом, и полетишь домой грузовым, в гробу, накрытом флагом.

– Да отцепись ты от него, – сказал Релес. – Он от шока никак не оправится.

– Как родился, так с тех пор и не оправится? – возразил Миллс. – Он же за всю войну ни разу в лице не изменился!

Визг и скрежет металла вертолета «Небесных Дьяволов», отправляющегося в утиль, сделался громче: распахнулась боковая дверь в ангар. Оглянувшись, Миллс увидел на пороге майора Чепмена. За ним шел сам полковник Паккард. Миллс вздохнул. Вот так всегда: стоит начаться бардаку – и старик тут же является, чтобы все испортить.

– Смир-рна! – рявкнул Чепмен. – Шевелись!

Миллс и все прочие поднялись и встали навытяжку, слегка покачиваясь. От выпивки и жары Миллса замутило. Вот черт. Пожалуй, на сегодня ему и вправду уже хватит. Да и для остальных этот последний бочонок отравы был уже лишним.

– Вольно, придурки, – сказал Паккард. – Торчите здесь, как идиоты… а сегодня праздник!

Строгая мина Чепмена сменилась широкой ухмылкой. Вынув руки из-за спины, он предъявил всем большую бутылку шампанского и выстрелил пробкой в потолок. Миллс с парнями разразились одобрительными криками, а Чепмен, не забывший прихватить и бумажные стаканчики, принялся разливать. Надо же. Целый майор разливает шампанское для простой солдатни… Миллс ухмыльнулся, однако едва удержался, чтоб не козырнуть, когда очередь дошла до него.

– Хочу сказать только одно, – заговорил Паккард, когда «Небесные Дьяволы» выпили. – Мне выпало служить с вами, и это – величайшая честь. Знаю, все вы рады вернуться домой, но через десять, через двадцать лет вы поймете… вы вспомните эти времена и будете скучать по ним. По той семье, которой мы все стали здесь. По нашему братству. Знаю, мне будет очень не хватать всех вас. Вам пришлось воевать в составе самого заслуженного транспортно-десантного подразделения за всю историю аэромобильных войск… – с этими словами Паккард взглянул прямо на Миллса и принесенный им бочонок отравы. – Если уж это не роднит людей, то даже и не знаю, какая дьявольщина для этого требуется.

Миллс и прочие разразились аплодисментами. Развернувшись «налево-кругом», Паккард направился в дальний угол ангара. Прежде чем полковник скрылся за дверью выгороженного в углу небольшого кабинета, Миллс успел заметить, как улыбка разом исчезла с его лица.

Шум и лязг снаружи вновь сделались громче. Казалось, Миллсу никогда не привыкнуть к этому: каждый удар или визг пилы словно ломал частичку его самого. Казалось, в утиль отправляют историю его собственной жизни. «Ну и ладно. Кое-что лучше оставить позади», – в который уж раз сказал он самому себе в надежде, что вскоре и вправду поверит в это.

Боковая дверь снова распахнулась, и в ангар, точно в поисках, чего бы такого еще разобрать на части, заглянули двое из разборочной бригады.

– Эй, ребята! – крикнул Миллс. – Не видите – у нас тут совещание!

Демонтажники быстро убрались прочь, закрыв за собой дверь. Миллз покосился в дальний угол ангара. Дверь в полковничий кабинет была затворена. Тогда он вновь повернулся к товарищам, и прерванная гулянка пошла своим чередом.

* * *

Паккард опустился в кресло, закинул ноги на стол и устремил взгляд вперед – сам не зная, куда. Раньше стены его кабинета были увешаны картами, пестревшими красными и синими булавками, клейкой лентой и метками маркеров, обозначавшими зоны высадки десанта и цели атак. Он досконально знал все эти места, хотя далеко не всегда летал над ними лично. Он внимательно изучал эти карты с Чепменом и лучшими из своих пилотов, стараясь учесть все хитрости изображенной на них земли, прежде чем отправлять своих «Небесных Дьяволов» в бой. Он неизменно считал, что для заданий, предстоящих его людям, исключительно важна любая информация, и потому частенько – вопреки сложившимся традициям – отправлялся на задание вместе со всеми. Некоторые полагали, будто командовать – значит отдавать приказы, сидя в безопасном месте, но Паккард никогда не послал бы своих людей делать то, чего не сделал бы сам. Он знал, что подчиненные это ценят, но дело, скорее, было не в них, а в нем самом: это внушало ощущение собственной силы.

Теперь вокруг были только голые доски, и лишь крохотные клочки бумаги под оставшимися в них кнопками напоминали о былом. Кабинет был немым свидетелем бессчетного множества разработанных в нем планов и запланированных смертей. Под его стенами навсегда было погребено эхо таких совещаний и переговоров, каких полковнику, скорее всего, не вести больше никогда. И любой на его месте был бы только рад.

Подавляющему большинству сослуживцев нечего было терять здесь: дома их ожидало неизмеримо большее…

Разоренный кабинет нагонял тоску. Если на свете и существуют призраки, они наверняка обитают именно в таких местах. Когда-то эти стены служили колыбелью планов войны – планов насилия, страха и смерти. Теперь же полковнику оставалось только сидеть за пустым столом, бессмысленно пялясь на голые доски.

– Сэр?

При звуке голоса Чепмена Паккард вздрогнул от неожиданности. Он очень не любил, когда его заставали врасплох, но сейчас, кроме себя самого, винить было некого. Майор стоял на пороге, не отпуская ручку отворенной двери.

– Это вы, Чепмен, – сказал Паккард.

– Вам что-нибудь нужно, сэр?

– Чепмен, что вы собираетесь делать дальше?

Майор озадаченно нахмурил брови. Войдя в кабинет, он прикрыл за собой дверь, заглушив шум веселой пирушки в ангаре. Возможно, от него не укрылась тень бессилия в выражении лице командира, и он не хотел, чтобы ее заметили подчиненные.

– Н-не понял, сэр.

– Вот вы вернетесь домой. И каковы ваши планы?

– У меня все на мази с «Истерн Эрлайнс»[15 - Eastern Air Lines (EAL) – одна из четырех крупнейших авиакомпаний США, существовавшая с 1927 по 1991 год.]. Грейс с Билли уже перебрались в Атланту. Ждут меня, готовятся…

Чепмен улыбнулся. Он был доволен своим будущим. Но сумрачное настроение Паккарда тут же стерло улыбку с его лица.

– А как насчет вас, сэр?

– Не знаю… – ответил Паккард – заметно тише, чем намеревался.

– Домой, а там видно будет? – спросил Чепмен, переминаясь с ноги на ногу.

Он явно был смущен и чувствовал себя неловко, и Паккард понимал, отчего. Никто из его людей не знал о нем ничего. Он был для них загадкой, и ему это нравилось. Его солдаты даже делали ставки, споря, взаправду ли он женат или носит обручальное кольцо только для виду.

– Посмотрите вокруг, – заговорил Паккард, игнорируя вопрос и указывая на стены кабинета. – Когда эти стены были увешаны картами, я иногда чувствовал себя вроде короля, повелителя всех окрестных земель. Вытянув руки в стороны, мог коснуться мест, отстоящих на сотни миль друг от друга. А бывало, в неудачные дни… вы понимаете, о чем я… в те дни, когда кто-то из наших возвращался на базу в пластиковом мешке или вообще не возвращался, я, бывало, чувствовал себя самим дьяволом. Так вот, домой… Пожалуй, я не знаю, где мой настоящий дом.

Чепмен промолчал, не найдя ответа.

– Черт побери, простите, – сказал Паккард. – Идите. Отдыхайте.

– Сэр, вы уверены, что с вами все в порядке? – уже по-товарищески спросил Чепмен.

Паккард с улыбкой махнул в сторону двери:

– Иди уж.

Майор развернулся и вышел. Стоило ему закрыть за собой дверь, улыбка Паккарда угасла.

«Все ли со мной в порядке?» – подумал он. На этот вопрос у него не было настоящего ответа. Там, в Штатах, его не ждал никто. А скоро и здесь не останется никого, кто привык доверять ему и полагаться на него. Что ждет его впереди? Кабинетная работа до самой пенсии – в лучшем случае. А могут и определить в козлы отпущения и отдать на съедение волкам. После такого позорного завершения войны головы полетят градом, в этом он не сомневался ни минуты. Он был достаточно стар, чтобы помнить всеобщее ликование, с каким встречали солдат, вернувшихся с победой со Второй мировой, и достаточно мудр, чтобы понимать: на этот раз встреча будет совсем иной.

Может, тем, кто вернулся домой в ящиках, еще крупно повезло? А самыми везучими окажутся те, кому хватит ума вообще не возвращаться?

Паккард закрыл глаза и прислушался к голосам своих солдат, доносившимся снаружи. Ему всегда было достаточно своего собственного общества, но теперь вдруг сделалось одиноко, как никогда прежде.

Пожалуй, лучшее, что он мог сделать, – это пойти и посмотреть, что может ждать его там, впереди.

* * *

Снаружи стемнело. Лил дождь. Закинув на плечо вещмешок, Паккард побрел через территорию базы к воротам. Что там, за воротами – он и представления не имел, но, в отличие от большинства, ничуть не боялся неизвестности. Он знал одно: ему нужно вновь найти цель и смысл жизни, а здесь, на базе, больше не было ни того ни другого. Только сердце обливалось кровью при виде списанных вертолетов, отправляемых в утиль.

У КПП стояло с дюжину грузовиков – загруженных и готовых к отправке. Завтра прибудут новые, бойцов Паккарда отвезут в крупный аэропорт в семнадцати милях от базы, а оттуда отправят в США. В дороге они еще будут вместе, будут поддразнивать друг друга, шутить о том, кто чем займется, вернувшись домой – кому пиво, кому гамбургеры, кому бабы… Но это ненадолго. Стоит остаться

одному, и тут уж не до шуток. Со временем они еще будут скучать по джунглям, грохоту и вражеским пулям.

Паккард очень хорошо знал это чувство.

Остановившись у грузовиков, он вздохнул, поправил вещмешок на плече и сделал еще шаг навстречу будущему.

– Сэр! – окликнули его сзади.

Обернувшись, Паккард увидел бегущего к нему часового и облегченно перевел дух. Он думал, это кто-то из «Небесных Дьяволов» явился спросить, отчего он уезжает, не попрощавшись.

– Господин полковник, вас к телефону!

– Благодарю, рядовой.

Отсалютовав, часовой удалился. Паккард остался стоять, размышляя, кому он вдруг мог понадобиться на ночь глядя. Может, плюнуть на этот звонок и продолжить свой путь в никуда? Нет, так поступить полковник не мог. В первую очередь он был солдатом, а значит, долг превыше всего.

Подойдя к ближайшему аппарату, висевшему на столбе под простым металлическим козырьком, он снял трубку.

– Паккард у аппарата!

– Паккард? Говорит генерал Уорд.

– Слушаю, сэр!

Вот кого Паккард меньше всего ожидал услышать! Однако разговор с генералом всегда вызывал в нем приятное возбуждение. Уорд тоже был истинным солдатом, кадровым военным, не имевшим иной семьи, кроме армии. Он не раз говорил Паккарду, что лучше уж погибнуть на своем посту, чем медленно дряхлеть в приюте для престарелых военных пенсионеров, а однажды сказал

так: «Кто слишком стар или слаб, чтобы драться, тот больше не солдат».

– Говорят, ты просился на задание, – сказал генерал.

Паккард замер с прижатой к уху трубкой и обернулся к воротам, через которые готовился выйти наружу. Возможно, вот оно, решение всех проблем?

– Возражений не имею, сэр, – ответил он.

– Но почему? Приказ о твоей отправке домой уже утвержден. Уверен, твоим ребятам не терпится вернуться в реальный мир.

«Реальный мир – здесь, а не там», – подумал Паккард.

– Именно так, сэр, – сказал он вслух.

– А тебе, значит, нет? – испытующе спросил генерал. Он явно знал ответ заранее.

– Вы хотите, чтобы я соврал вам, генерал?

– Ты уверен, Паккард? – Голос генерала зазвучал тише, словно Уорд опасался чужих ушей.

Паккард вновь взглянул в сторону ворот и попытался представить себя на месте своих бойцов. Вот они идут к выходу с базы – вещмешки на плечах, куча сувениров на память о Вьетнаме распихана по потайным местам. Все они готовы вернуться к прежней жизни – к женам, подружкам, семьям, работе, друзьям, родным домам, где они выросли и куда теперь возвратятся, израненные и усталые, чтобы постепенно состариться и умереть…

– Да, сэр, – ответил он. – Вполне уверен.

– О’кей. Тогда слушай. В НАСА есть шайка умников под названием «Ландсат». Они хотят, чтобы мы забросили их на какой-то остров. Для полевых исследований. Им требуется полдюжины «сликов»[16 - Слик (англ. slick) – жаргонное название вертолета UH-1 времен войны во Вьетнаме.], плюс пилоты и техники, чтобы доставить их до места и обратно. Несколько дней в раю. Как ты?

Готов к последнему вылету? Подробности высылаю, но ты должен поставить людям задачу и подготовить их немедленно.

Паккард улыбнулся. Все складывалось просто прекрасно. Правда, операция не боевая, но это ничего, может, даже к лучшему. Зато он проведет еще несколько дней в воздухе со своими «Небесными Дьяволами». Ворота базы подождут.

– Сэр…

– Да, Паккард?

– Благодарю вас, сэр.

Паккард повесил трубку и поднял взгляд к небу. Гроза над базой бушевала все сильнее и сильнее.

Глава третья

Там, где все прочие видели последствия войны, Билл Ранда видел лишь новые возможности.

На улицах Сайгона было шумно. Мопеды и мотороллеры шныряли в потоке еле ползущих автомобилей, оставляя за собой клубы выхлопа и эхо раздраженных гудков. Более крупный транспорт вяз в хаосе «пробок». Лица пассажиров за стеклами выглядели отрешенно, словно они уже смирились с тем, что никогда не доберутся туда, куда направлялись. Огни фар плясали по стенам домов. Сквозь уличный шум слышались громкие голоса, но, хотя некоторые из них казались криками ярости, Ранда понимал, что на самом деле здесь не тот случай. Просто-напросто обыкновенная уличная сцена. Сколь бы чужими ни выглядели здесь он и его спутник, Хьюстон Брукс, непрошеными гостями для местных они, пожалуй, не были.

Ранда указывал путь. Ему стукнуло пятьдесят – вдвое больше, чем Бруксу. В этом возрасте обретаешь уверенность в себе. К тому же, его уверенность зиждилась на знании. Он точно знал, что в этот вечер на этих улицах

относительно безопасно, потому что заранее исследовал район и убедился, что это именно так. Он точно знал, куда направляется, так как не пожалел времени и загодя разузнал, где околачивается человек, которого нужно разыскать. Он всегда отличался тщательностью в предварительной подготовке, и это неизменно приносило хорошие плоды. Теперь же, благодаря этому обыкновению, он был как никогда близок к главному, самому желанному успеху в своей жизни.

Брукс шел следом, безмолвно – и совершенно естественно – признавая первенство Ранды.

Они свернули в переулок. Здесь было темнее и тише, неподвижный воздух наполнял тяжелый смрад. Из стороны в сторону в сумрак метнулись какие-то неясные тени. Видимо, собаки – учитывая размеры, Ранда надеялся, что не ошибается.

Они миновали группу вьетнамцев, бросавших о стену игральную кость и передававших деньги из рук в руки. Другого их непрестанная негромкая трескотня заставила бы понервничать, однако Ранда, напротив, почувствовал облегчение: она означала, что эти люди заняты игрой, а до них им дела нет. Двое-трое подняли было на них с Бруксом взгляды, но тут же отвернулись. Угрозы Ранда не ощущал.

Чуть дальше по переулку располагался игорный притон, куда направлялся Ранда. Вход заслонял вышибала – вьетнамец огромного роста.

Брукс брезгливо глянул из стороны в сторону, будто поблизости чем-то воняло. В переулке и вправду воняло, но Ранда почти не замечал этого.

– Нам точно так уж нужен этот тип? – спросил Брукс.

– Может, нас проведет по джунглям твой йельский диплом? – спросил Ранда в ответ, не удостоив молодого человека и взглядом. – К тому же мой отец всегда говорил: не смотри, где мужик пьет. Смотри, как выпивку держит.

Подойдя к великану-вышибале, Ранда заговорил с ним. Вьетнамским (одним из семи известных ему языков) он владел в совершенстве. Еще один пример тщательной подготовки.

Поразмыслив немного, вышибала кивнул и распахнул дверь. Ранда оглянулся. Брукс, не понявший ни слова из того, что он сказал, был впечатлен. Делиться с ним информацией Ранда не собирался: молодым вообще вредно позволять расслабляться.

Интерьер притона вполне соответствовал фасаду – внутри оказалось сумрачно, грязно, дымно и шумно. Крики, смех, перебранки, тосты… «Блюдом дня» служили кости и карты. По залу было расставлено несколько карточных столов, кости метали на стойке бара, а то и прямо на полу. Казалось, каждый дюйм свободного пространства был занят мужчинами и женщинами, охваченными игорным азартом. Как Ранда и ожидал, среди вьетнамцев то тут, то там виднелись и немногочисленные европейцы. Деньги есть деньги – неважно, какого цвета рука, бросающая их на кон.

Ранда двинулся к стойке. Брукс неохотно потащился следом. Несколько человек проводили их взглядами, но никакого интереса к ним не проявили. Протолкавшись к стойке, Ранда кивнул бармену – судя по хозяйской манере, он был и владельцем этого заведения.

– Ищу Конрада, – сказал он, выложив на стойку пятидолларовую купюру и прихлопнув ее ладонью.

Сделав паузу, Билл выжидающе побарабанил пальцами по стойке. Коротко глянув вниз, бармен уставился сквозь него. Ранда приподнял ладонь и выронил на стойку еще пятерку, которую держал сложенной между средним и безымянным пальцами.

Бармен удовлетворенно крякнул и кивнул в дальний угол большого зала с низким потолком.

– Бильярд, – сообщил он.

– Верно.

Оставив деньги на стойке, Ранда двинулся в глубину зала. Там, в дальнем углу, почти незаметный среди гвалта и табачного дыма, стоял бильярдный стол, тускло освещенный свисавшей с потолка лампочкой без абажура. Вокруг стола,

наблюдая за игрой, толпились около десятка человек.

Один из них и был тем самым Джеймсом Конрадом, которого разыскивал Ранда. Возможно, он предпочитал заведения столь низкого пошиба, чтобы не привлекать к себе внимания, однако и здесь сильно выделялся из толпы цветом кожи и военной выправкой. Он был худощав и невзрачен – особенно по сравнению с некоторыми из собравшихся у бильярдного стола, – но взгляд его говорил о многом.

– Это он? – спросил Брукс.

Ранда не удостоил товарища ответом. Конечно же, это был он.

Словно подтверждая этот факт, Конрад завершил партию, загнав в лузу черный шар, потом выпрямился, потянулся и опустил руку на стопку купюр, лежавшую на бортике.

Но его противник не спешил сдаваться. Огромный вьетнамец с маху опустил ладонь поверх руки Конрада и навис над ним – едва ли не нос к носу.

– Ты сжульничал! – заявил он. – Деньги – мои!

Кто-то другой попробовал бы затеять спор. Некоторые дали бы слабину и попытались сгладить возникшее напряжение – возможно, предложив соглашение, выгодное обеим сторонам. Однако ни вежливость, ни споры не изменили бы ситуацию: угрожающий вид здоровяка-вьетнамца и внезапное напряжение зрителей не укрылось даже от Ранды.

А уж тем более – от Конрада.

Конрад резко крутанул кий, и его толстый конец ударил в лоб громилы. Тот вскрикнул и вскинул руки, но даже не успел прижать ладони к ушибленному месту: обратным движением кия Конрад ткнул его в глаз. Отпрянув назад, здоровяк споткнулся о высокий табурет у стойки и врезался в нее спиной. На пол посыпались бутылки, зазвенело разбитое стекло. Несколько человек проворно отскочили в стороны.

Один из дружков громилы зашел Конраду за спину, занося бутылку над его головой. Не оборачиваясь, Конрад перехватил кий двумя руками и еще раз взмахнул им – снизу вверх и назад. Толстый конец кия ударил нападавшего между ног. Тот резко выдохнул, выронил бутылку, схватился за пострадавшие яйца и сложился пополам. Подняв ногу, Конрад уперся подошвой в его голову и с силой толкнул. Перевернувшись через голову, нападавший отлетел к стене, сполз на пол и замер.

Конрад держался совершенно спокойно. Опустив кий, но держа его наготове, он взглянул через стол на остальных зрителей. На миг Ранде удалось поймать его взгляд, но глаза Конрада тут же скользнули в сторону в поисках новых вероятных противников. Приглашение было – очевиднее некуда, но никто не спешил им воспользоваться, и Конрад потянулся к купюрам, разлетевшимся по сукну бильярдного стола. Ранда быстро сунул руку в карман и бросил на стол свернутую в рулон пачку денег. Прокатившись по столу, она легонько ткнулась в руку Конрада.

«Он опасен, – подумал Ранда. – Ему не в новинку убивать. Все это очевидно. Но что, если он не желает никого видеть и не любит, когда его узнают?» Он не на шутку опасался, что его тоже ждет удар кием, однако попробовать стоило.

И деньги, несомненно, привлекли внимание отставного солдата.

– Не могли бы вы уделить нам немного времени? – спросил Ранда.

– Я занят.

Ранда оглядел бар. Внезапная драка почти не привлекла внимания – музыка вновь играла вовсю, гул голосов, стук костей и шелест карт наполнил атмосферу, словно дым.

– Чем же? – спросил Брукс.

Конрад, не торопясь, собрал свой выигрыш.

– Вот этим. Их нужно потратить.

– Там, откуда появились эти, есть еще, – заметил Ранда, кивнув на свернутую рулончиком пачку денег, все еще лежавшую на столе.

Конрад взглянул на него, перевел взгляд на Брукса, снова посмотрел на Ранду и убрал пачку в карман.

– О’кей. Я вас слушаю. Но вам придется выпить со мной.

– Здесь подают приличный виски? – спросил Ранда.

Конрад улыбнулся.

– Нет.

Кивнув в сторону столика в углу, он махнул рукой бармену и перешагнул через недавнего противника, все еще лежавшего на полу и державшегося за яйца.

«Настало время заинтересовать его», – подумал Ранда. Воистину, перед лицом всей этой мрачной, убогой реальности то, что он собирался сказать, должно было выглядеть волшебной сказкой.

* * *

Конрад долго разглядывал их обоих. Он оказался прав, приличного виски здесь не подавали, но это не помешало ему прикончить треть бутылки, пока Ранда с Бруксом объясняли, зачем они здесь и для чего им нужен он. Ранда объяснил, что их экспедиция преследует научные цели, не вдаваясь в экстравагантные подробности наподобие гипотезы полой Земли и того, что сенатор Уиллис называл «дурацкой охотой на монстров». Он сильно опасался, что Конраду хватит малейшего повода, чтобы ответить отказом, – этот человек явно намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Да, любит деньги, любит выпить, но это вовсе не все, далеко не все. И что там у него на уме, этого Ранда пока что не мог себе даже представить, но надеялся, что на это еще будет время.

Чувствовалось, что Брукс лихорадочно думает, что бы еще сказать, чем бы еще увлечь Конрада, но все, что можно, было уже использовано. Включая

перекочевавшую в карман Конрада пачку денег.

Оглядев их обоих поверх бокала с виски, Конрад вдруг расплылся в широкой улыбке.

– Вы и дня не выдержите, – сказал он.

– Что? – переспросил Брукс.

Он тоже пил, но в силу юного возраста, да и просто с непривычки, мог очень быстро опьянеть. Ранда всерьез опасался, как бы парень не сболтнул чего-нибудь о настоящей цели их экспедиции. Для этого было еще рано. Это наверняка не привлекло, а оттолкнуло бы Конрада. Он явно прагматик, а цели исследований «Монарха» вряд ли покажутся рациональными человеку со стороны…

– Значит, «нетронутое биологическое разнообразие»? – продолжал Конрад. – Это просто красивое выражение, означающее «необитаемые земли». Дожди, жара, грязь, разносящие заразу мухи и москиты… Укрыться практически негде, питание по минимальной норме, пополнить припасы негде… Допустим, от малярии запасетесь акрихином, а другие бактерии? Особенно те, о которых мы ничего не знаем? – Опустошив свой стакан, он дотянулся до бутылки и налил себе еще. – И это мы еще не дошли до всех тех тварей, которые непременно пожелают сожрать вас живьем.

Ранда поставил свой бокал на стол и подтолкнул его к Конраду. Тот налил ему виски еще на два пальца.

– Прогресс в переговорах налицо, – сказал Ранда.

В выложенном на стол конверте были еще деньги. Первая пачка предназначалась лишь для привлечения внимания Конрада, а в конверте лежало в десять раз больше. Конрад и не прикоснулся к нему, однако конверт лежал посреди стола, словно просьба и вместе с тем обещание. «На эти деньги он сможет хоть купаться в дрянном виски», – подумал Ранда, выкладывая конверт на стол, но тут же обругал себя за эту мысль. Возможно, образ Конрада – пьяницы, темной личности, завсегдатая злачных мест – и был абсолютно точен, на самом деле не имел ничего общего с реальностью. Скорее всего, с

окончанием войны он перешел в режим ожидания и просто ждет, что будет дальше.

А может, и вовсе не хочет ничего ждать.

– Мы заплатим вдвое, – сказал Ранда.

– Втрое, – сказал Конрад. – Плюс премиальные, если все вернутся назад.

– Если все… – Брукс посмотрел на Ранду широко раскрытыми глазами. – Заплатите ему! То есть… То есть, я считаю, что мы должны предложить мистеру Конраду достойную компенсацию за его мастерство.

Ранда поднял свой бокал.

– За достойную прибыль в мирное время, – сказал он.

Конрад присоединился к его тосту и поднес бокал к губам.

– Еще вопрос, – сказал он. – Вы явились сюда искать следопыта.

Ранда кивнул. Брукс замер, едва коснувшись губами края бокала.

– Так чьи же следы мне предстоит искать?

– Мистер Конрад, – начал Брукс, отставив нетронутый бокал. Ранда был рад: то, что Брукс почти не пьет, говорило о многом. Может, он еще молод и зелен, однако уже понимает, как важно не терять головы. – Это вся информация, которой мы располагаем, понимаете? Карт этой местности не существует. Насколько нам известно, прежде там никто не бывал, а если и бывал, то не сумел составить карту и вернуться с ней обратно. Поэтому нашей экспедиции и требуется такой специалист, как вы, обладающий уникальным опытом работы в джунглях.

– Мы ведь всего-навсего кабинетные ученые, – добавил Ранда. – Нам нужен опытный человек – на случай, если что-то пойдет не так.

– Если что-то пойдет не так… – задумчиво проговорил Конрад. – Верно.

Сделав еще глоток, он грохнул бокалом о стол.

«Дело сделано», – подумал Ранда. Теперь он мог бы облегченно вздохнуть: экспедиция стала еще на шаг ближе. Но радость омрачали мысли об истинных причинах, в силу которых им был нужен этот человек. Он был не только следопытом, но и превосходным бойцом, убийцей. Он прекрасно знал джунгли, но не имел ни малейшего представления о том, что может ожидать их на этом острове.

Обманывать было очень неприятно, но пока что иначе не получалось. Со временем он посвятит Конрада в истинные цели экспедиции. Оставалось лишь надеяться, что он успеет сделать это до появления первой реальной опасности.

В сравнении с теми местами, куда им предстояло отправиться, этот грязный и дымный бар внезапно показался ему сущим раем земным.

Глава четвертая

Взглянув в глаза перепуганной девочки, Мейсон Уивер пожалела о том, что не слепа. На фотоснимках все выглядело намного ярче, чем в жизни. Она помнила, как увидела эту девочку, стоявшую на фоне развалин разнесенной бомбежками деревни и смотревшую на нее. Ей стало тоскливо, она сделал снимок и двинулась дальше. То был всего лишь миг среди многих других, таких же ужасных мгновений, и через несколько минут девочка исчезла из ее памяти.

Теперь, глядя на изображение, проступающее на фотобумаге в кювете с проявителем, в свете красного фонаря, Уивер понимала, что этот кадр способен тронуть сердца целых народов.

«Конечно, ты не звала меня к себе в гости, – думала она, глядя в глаза девочки. – И совсем не обрадуешься, если узнаешь о существовании этого фото». Все это она видела во взгляде девочки, и прекрасно понимала ее, потому что и сама думала и чувствовала то же самое.

Все, чего Уивер хотелось от жизни, – это держаться в тени, поэтому большую часть своей жизни она пряталась за фотокамерой.

Наверное, причиной всему этому послужил отец. Она редко размышляла о прошлом, но в минуты воспоминаний на нее накатывало… нет, не злость, не сожаление, скорее – вязкая, тягучая тоска. Отец был добрым человеком, но, при всей своей доброте, неизменно – с детства и до самого начала взрослой жизни – ухитрялся вызывать у юной Уивер тревожное чувство уязвимости, незащищенности. Он всегда желал своей единственной дочери самого лучшего. Ничто и никогда не было достаточно хорошим для нее – включая и то, что делала она сама, и то, что делали те, кто ее окружал. Если она плохо справлялась с контрольной в школе, отец винил в этом школу, но в его тоне она всегда чувствовала невысказанный упрек в собственный адрес – неважно, реальный или воображаемый. В стремлении создать из дочери женщину своей мечты он забыл учесть хоть какие-нибудь ее собственные желания. То была настоящая диктатура, пусть он и желал ей только добра, и, когда Уивер доросла до понимания и осознания всего вреда, который может нанести ей его родительская власть, было поздно. Весь возможный вред уже был нанесен.

Отец умер, когда ей исполнилось шестнадцать, и она сразу же почувствовала себя невидимкой, таким же бесплотным духом у его смертного одра, как и он сам, витающим из комнаты в комнату, но не замечаемым никем из собравшихся на поминальное бдение. Мать сутки напролет простояла у плиты, готовя бесчисленные чашки кофе для скорбящих, а ни братьев, ни сестер у Уивер не было. Поэтому она просто бродила в одиночестве по дому, словно в непрестанных поисках чего-то неуловимого – может, какой-то вещи, а может, места, – нигде не находя покоя и уюта.

Через полгода она отправилась в колледж, покинув родной дом, и с тех пор возвращалась туда лишь изредка – и то ненадолго. И все это время, по сей день, искала эту вещь, это место. И только глядя на мир через объектив камеры, чувствовала, что вот-вот найдет.

Уивер слегка пошевелила фотографию в кювете, выжидая, когда ее пора будет вынуть.

Зазвонил телефон на стене. Она ждала звонка весь день, и более неподходящего момента придумать было невозможно. Если передержать снимок в проявителе, он будет безнадежно испорчен, а она уже понимала, что

это – один из лучших кадров за всю ее жизнь.

– Ну давай же, давай, – пробормотала она, легонько полоща фото в кювете.

Телефон едва не лопался от нетерпения.

Едва подошло время, она выхватила снимок из кюветы, бросила в другую – с водой – и сорвала трубку с аппарата.

– Уивер!

– Мейсон, это Джерри.

Сердце Уивер замерло. Именно этого звонка она и ждала! Джерри работал военным корреспондентом сразу от нескольких европейских служб новостей, но поиском сюжетов его таланты отнюдь не ограничивались. Джерри мог достать или разузнать все, что угодно, а потому быстро сделался чем-то вроде палочки-выручалочки для всей журналистской братии Дальнего Востока. Он организовывал интервью с генералами, договаривался о включении репортеров в полевые группы войск специального назначения, добывал информацию у работников посольства, всегда был в курсе, где и когда последует то или иное официальное сообщение, и знал все ходы-выходы в военных и политических кругах, как никто другой. У него было множество связей – как на самом верху, так и в самом низу, и Джерри часто шутил, что у него очень много должников. Вопрос, чем он помог всем этим людям, оставался открытым. Любые разговоры о его прежней жизни, о том, что он делал до того, как появиться здесь, неизменно заходили в тупик. Уивер думала, что он был замешан в чем-то секретном, а то и вовсе – противозаконном, но на это ей было плевать. Плохой ли, хороший – Джерри был человеком бесспорно полезным.

Она пыталась сдержать нетерпение, но едва Джерри начал расспрашивать, удачной ли вышла прошлая командировка, повезло ли с погодой, слышала ли она новости о том-то и о сем-то, ей очень захотелось вцепиться ему в глотку.

– Эй, Джерри, говори, не тяни, о’кей?

– О’кей, – согласился тот. Однако этот сукин сын не отказал себе в удовольствии сделать небольшую паузу, прежде чем перешел к делу. – Ты едешь.

– Правда? О господи! Спасибо, Джерри!

Прижав трубку ухом к плечу, Мейсон вновь взяла пинцет и переместила снимок в кювету с закрепителем.

– Слушай подробности.

– Секунду, я только ручку возьму! – Отыскав ручку, она оглядела захламленный стол в поисках чистого листа бумаги, не нашла ничего подходящего и решила писать прямо на тыльной стороне ладони. – О’кей, давай!

– Судно называется «Афина», отплывает из Бангкока завтра в восемнадцать ноль-ноль.

– Записала. Без шуток, Джерри, я у тебя в долгу.

Бросив ручку на стол, она вынула снимок из закрепителя и повесила сушиться. Девочка со снимка глядела прямо на нее. «Где же ты сейчас?» – подумала Уивер, от души надеясь, что с девочкой все в порядке. Она всегда чувствовала себя в ответе за свои снимки, хотя – вот странность! – не за тех, кто на них изображен. Ее делом было – запечатлеть изображение на пленке и опубликовать, чтобы те, кто увидит ее фото, поняли проблему и решили ее. Странно, отчего беда этой девочки так потрясла Уивер сейчас? Наверное, все дело в глазах…

Вот в такие минуты и понимаешь всю силу фотографического искусства!

– Отчего ты считаешь, будто в этой экспедиции есть что-то особенное? – спросил Джерри.

– Что? А-а. Джерри, когда три источника повторяют тебе одно и то же, слово в слово, можно точно сказать, что они врут.

– Не могут же все на свете врать, – возразил Джерри.

Чувствуя улыбку в его тоне, Уивер подумала: «Лжец лжеца видит издалека»…

– И еще одно, – продолжала она. Взгляд девочки с фото сделался одобряющим. – Кое-что, о чем все молчат. Это не просто научно-исследовательская экспедиция, и снимать там придется вовсе не только пейзажи.

– Ты осторожнее там, – сказал Джерри.

– Ты же меня знаешь.

– Ага. Знаю. Вот поэтому – осторожнее там.

Он повесил трубку. Уивер, приблизив руку к красному фонарю, еще раз перечла записанное.

Пора было собирать вещи.

Глава пятая

Капитан Джеймс Конрад уже не в первый раз задумался: во что же он встрял на этот раз? Новое задание, новый заработок… И тому и другому он был рад, однако дело явно было куда серьезнее, чем ожидалось вначале. Дурацкий спектакль «плаща и кинжала», разыгранный парочкой штатских в игорном притоне, создавал впечатление небольшой, но прекрасно финансируемой прогулки на какой-то богом забытый остров с лопатами, буровым оборудованием и мешками для образцов всего, что там удастся откопать. Всего несколько человек. Ничего масштабного.

Но размах подготовки к этой операции оказался неожиданно широк.

Казалось, обычная для бангкокских доков кипучая, деятельная суета целиком сосредоточилась на шестьдесят втором причале, куда направлялся и сам Конрад. Центром схождения хаотических потоков грузовых фургонов, стрел портовых кранов и вереницы людей, сновавших взад-вперед по трапам и вдоль пирса, была ожидавшая его «Афина» – огромное, повидавшее виды грузовое

судно. Пирс был загромождён штабелями мешков и ящиков с припасами и снаряжением – их постепенно перетаскивали на борт по целому десятку трапов. На кормовой вертолетной палубе «Афины» стояли несколько «Хьюи» и великан «Си Стэллион»[17 - «Сикорский CH-53 Си Стэллион» (англ. Sikorsky CH-53 Sea Stallion) – тяжелый транспортно-десантный вертолет, способный нести свыше 13 тонн груза или 38 десантников. При этом является одним из первых вертолетов, на котором были исполнены фигуры высшего пилотажа – бочка и мертвая петля.] – винты убраны, полозья шасси принайтованы к палубе. И – ни единой лопаты или буровой установки.

Неожиданным оказалось и обилие военной формы. Но этому, при наличии вертолетов, удивляться не стоило – кто бы еще мог предоставить их для транспортных нужд экспедиции, кроме Вооруженных сил США? А вот ящики с военным снаряжением вдоль пирса и вправду удивляли. Другие, возможно, и не поняли бы, что перед ними, но Конрад узнал стандартную упаковку для оружия и боеприпасов с первого взгляда. Он даже мог бы точно сказать, что в некоторых из этих ящиков. Очевидно, кто-то решил, что без крупного калибра в экспедиции не обойтись…

Конрад шевельнул плечами, вскидывая рюкзак повыше, и остановился, пытаясь осмыслить увиденное. За свою недолгую жизнь он успел повидать и совершить многое – и дома и на войне – и давно проникся тем, что сам полагал здоровым цинизмом. Это весьма способствовало самосохранению – ведь истинное положение вещей далеко не всегда таково, как о нем говорят, особенно когда дело касается денег. В данном случае за экспедицией, несомненно, стояли большие деньги. Ранда с Бруксом наглядно продемонстрировали это с самого начала, метнув перед ним на стол увесистую пачку наличных. Картина, открывшаяся ему здесь, на пирсе, лишь подтверждала первое впечатление.

Деньги искривляют души и лишают разума – Конрад понимал это не хуже, чем всякий другой. Придется держаться настороже.

Направившись к «Афине», он миновал открытый джип, тарахтевший двигателем на холостых оборотах. Сзади сидели несколько человек в военной форме – по знакам различия Конрад понял, что перед ним вертолетчики. Заметил он и грифона – эмблему «Небесных Дьяволов». С некоторыми из них ему доводилось работать прежде, но этих парней он не знал.

– Всего сутки до отправки домой, – говорил один из них. – Ну, это ж надо – всего сутки оставались! И на тебе: вместо одного острова – другой, опять в эти клятые джунгли!

– Ну, ты, Миллс, и тупой, – сказал другой. – Вьетнам – не остров.

– Я про Ки Уэст, – откликнулся Миллс. – Именно там мне сейчас и положено оттягиваться со стаканом в руке.

– Ки Уэст – тоже не остров. Ки Уэст – коралловый риф.

Встретившись взглядом с Конрадом, знаток географии не отвел глаз, пока джип не тронулся с места.

Конрад тоже пошел своей дорогой. Опытные бойцы, только что отвоевавшие, в одном шаге от отправки домой… Если это и частная экспедиция, то им удалось заручиться неслабой правительственной поддержкой. Великолепно. Если дело касается не только денег, но и политики, то все не просто плохо, а еще хуже.

До судна он добрался как раз к погрузке последнего из вертолетов. Стрелы тяжелых грузовых кранов опустили машину на палубу, где ее быстро закрепили и укрыли брезентовыми чехлами. У трапов стояли вахтенные, но стоило Конраду предъявить удостоверение личности, его пропустили на борт без лишних вопросов. Это значило, что его ждут.

* * *

Уивер, как всегда, опаздывала. Подбегая к нужному причалу, она увидела, что все трапы, кроме одного, уже убраны, линии береговых коммуникаций отключены, а из труб «Афины» в темное небо валит дым. Сумка, болтавшаяся на плече, колотила по бедру. На другом плече висел кофр с камерами и съемочными принадлежностями. Если что-то придется бросить, это будет сумка. Она с радостью обойдется одной переменой одежды хоть месяц, хоть два, если только удастся поймать стоящие кадры. Не в первый раз.

Кадры решают всё.

Приближаясь к последнему неубранному трапу, она едва не столкнулась с парой докеров, увернулась от них и помчалась наверх, гремя подошвами по металлическим ступенькам. Здесь ее остановил вахтенный.

– Стоп-стоп, сюда посторонним не положено, – сказал он.

– Я не посторонняя… Стив, – ответила Уивер, разглядев имя вахтенного на нагрудном шевроне. Куртка его была странной – не военной, однако похожей на форменную.

В ответ Стив лишь преградил ей путь, вытянув руку поперек прохода. В другой руке он держал папку. Судя по всему, к какой-либо власти он не привык. Ну что ж, если его представления о власти таковы, зачем же спорить?

Уивер подала вахтенному документы и, пока он внимательно вчитывался в удостоверение личности и приказ о назначении в экспедицию, окинула взглядом судно. Уже сейчас было ясно, что экспедиция организована на широкую ногу, куда основательнее, чем она могла надеяться. «Афина» оказалась огромной: на ее вертолетной палубе свободно разместились шесть «Хьюи» и «Си Стэллион», не считая припасов и снаряжения, закрепленных на палубе под широкими брезентовыми тентами. Да, эта экспедиция вполне могла быть чисто научной. Изначально, пожалуй, таковой и являлась. Но звено «Хьюи» с полной боевой нагрузкой подсказывало, что у экспедиции имеются и другие задачи. Солдаты, расположившиеся возле своих вертолетов, также говорили о многом.

– Мейсон… Уивер, – сказал Стив, очевидно, отыскав ее фамилию в своих списках. – Женщина?

– Вроде с утра была, – подтвердила она. – Все в порядке, Стив?

Тот кивнул. Забрав у него документы, Уивер двинулась наверх. В работе ей нередко приходилось сталкиваться с дискриминацией и с удивлением, вызываемым ее именем[18 - Как правило, Мейсон – мужское имя, хотя встречаются и исключения.]. Те, кто знал Уивер заочно, обычно считали ее мужчиной, и это многое говорило об отношении к людям, работающим в зоне боевых действий. Многие полагали, что это не женское дело, и считали, что женщине следует сидеть дома и согревать постель. Иногда их удивление доставляло ей удовольствие, но чаще просто раздражало.

На борту, у трапа, Уивер ждал еще один человек – судя по знакам различия, полковник. А это, должно быть, Паккард. Судя по наведенным заранее справкам, жесткий, авторитарный тип.

– Чем могу помочь? – спросил он.

Уивер подала ему бумаги. Если все, что она слышала о нем, правда, он тоже навел о ней справки заранее. Полковник тоже внимательно изучил ее документы, но то, что привлекло его внимание, ее приятно удивило:

– Два года во Вьетнаме. Где именно?

– Управление по оказанию военной помощи Вьетнаму, группа исследований и наблюдений[19 - Группа исследований и наблюдений управления по оказанию военной помощи (Military Assistance Command Studies and Observations Group) была сформирована в 1964 г. в рамках секретной операции OPLAN 34A для выполнения диверсий и рейдов на территории Северного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. Состояла из Северного, Центрального и Южного подразделений.].

– Какое подразделение?

– Южное. Буонметхуот.

Полковник кивнул:

– Значит, довелось вам хлебнуть лиха.

Он вернул Уивер бумаги, и она прошла вперед. Мейсон была рада наконец-то оказаться на борту, но понимала, что разговор еще не кончен.

– Я уважаю вашу смелость. Но именно из-за таких людей, как вы, мы проиграли поддержку на родине.

Уивер вздохнула, остановилась и обернулась. Она слышала это не в первый раз. Обычно – от тех, кто занимал посты повыше, не от тех, кто в самом низу, носом в

земле и дерьме. Не от тех, чью кровь, гибель, увечья и страх ей приходилось снимать день за днем, месяц за месяцем. Эти считали, что она рассказывает людям правду.

– Вы обвиняете безоружных людей в том, что они проиграли вашу войну? – спросила она.

– Фотокамера много опаснее оружия, – ответил полковник. – А война не проиграна. От войны просто отказались.

Снова вздохнув, Уивер собралась было ответить, но лишь покачала головой и двинулась дальше. Это был бы далеко не первый спор подобного рода, и переубедить Паккарда она даже не надеялась. Спина полковника была пряма и тверда, словно у каменной статуи, – таким же твердокаменным было и его мировоззрение. Может, фотокамеры и опасны, но опаснее всего – такие люди, как он. Именно они желают продолжать войну, не считаясь ни с чем.

– Да, идите, идите, – негромко сказал ей в спину полковник. – Я все это как-нибудь переживу.

Уивер отправилась вниз, чтобы отыскать свою каюту. Она и раньше не сомневалась, что это не просто научная экспедиция. Присутствие на борту людей наподобие полковника Паккарда делало это еще более очевидным.

* * *

Поднявшись на борт, Конрад немного постоял, привыкая к ощущению палубы под ногами. Даже стоявший у пирса, корабль едва уловимо покачивался. Конраду довольно давно не приходилось бывать в море, и, несмотря на всю таинственность вокруг предстоящей экспедиции, ему не терпелось отправиться в плавание.

У противоположного борта он заметил Брукса и Ранду в обществе военного – очевидно, командира вертолетчиков. Знаков различия на его форме было не разобрать, однако Конрад мог точно сказать, что перед ним человек, привыкший командовать. Высокий, прямой, уверенный в себе, он держался чуть в стороне от обоих штатских, словно намеренно подчеркивая дистанцию.

Направившись к ним, Конрад прошел мимо одного из вертолетов. «Си Стэллион», с полной боевой нагрузкой. «Миниганы»[20 - M134 «Миниган» (англ. M134 MINIGUN / GAU-2/A), американский шестиствольный пулемет калибра 7,62 мм.] под брюхом, полудюймовые «Браунинги»[21 - Браунинг M2 (англ. Browning M2) – американский пулемет калибра.50 дюйма (12,7 мм).] на бортовых люках, внутри сквозь проемы люков видны ровные ряды канистр с напалмом…

Конрад притормозил. Кожа его покрылась мурашками. Один раз он видел результаты напалмовой бомбардировки небольшой деревушки – базы подразделения противника, и очень надеялся никогда больше не увидеть ничего подобного. Вид скрюченных, обугленных тел сам по себе был ужасен, особенно когда сделалось ясно, что большинство – мирные жители, использованные в качестве «живого щита». А уж характерная резкая вонь делала это зрелище совершенно невыносимым.

Значит, научно-исследовательские изыскания… Ну да, конечно.

Увидев Конрада, Ранда замахал рукой, приглашая присоединиться к компании. Доверие к этому толстяку, и прежде-то невеликое, вплотную приближалось к нулю.

Конрад помедлил, внимательно, напоказ, оглядев вооружение «Си Стэллиона», чтобы не оставлять никаких неясностей, но Ранда и глазом не моргнул. Положив руку на плечо полковника, он представил его подходящему Конраду:

– Полковник Паккард. А это – капитан Джеймс Конрад.

Конрад подал полковнику руку. Секунду помедлив, Паккард протянул руку в ответ. Рукопожатие его оказалось хорошим – сильным, но в меру. Конрад улыбнулся.

– Командир в небе и командир на земле, – сказал Ранда, с самого начала обрисовывая границы полномочий.

– Я командир везде, где бы ни находился, – заметил Паккард.

– Не буду спорить, – согласился Конрад. – Я здесь – так, на подхвате.

– В каком подразделении служил, сынок? – спросил Паккард. Он был старше Конрада от силы лет на десять, но уже строил из себя отца-командира.

– Специальная авиадесантная служба[22 - Особая воздушная служба (англ. Special Air Service, также расшифровывается как Специальная авиадесантная служба) – специальное подразделение вооруженных сил Великобритании, занимающееся разведкой сил противника, участвующее в контртеррористических и спасательных операциях, а также в освобождении заложников.]. Несколько лет назад был назначен инструктором к разведчикам-следопытам вооруженных сил США.

– Хм… «Кто дерзает, побеждает»[23 - Англ. «Who Dares Wins» – девиз британской САС.], так? Розыск потерянных в джунглях? Рад сообщить, что никогда в жизни не нуждался в ваших услугах.

– Ни одного оставленного на поле боя. Ваша боевая биография хорошо известна, полковник. Горжусь личным знакомством с вами.

– Что удерживает вас здесь? – спросил Паккард, немного понизив голос. – Война окончена.

– Да, я что-то об этом слышал, – ответил Конрад.

– Что ж, наверное, каждый делает то, что знает и любит.

– В меру сил, – согласился Конрад.

Указав в сторону «Си Стэллиона», он обратился к Ранде:

– Помнится, вы говорили, что это не военная экспедиция.

– А, вы об этом? Мы заказывали только транспорт. Оружие, видимо, досталось нам в нагрузку.

От Конрада не укрылась реакция Брукса – его глаза слегка расширились, и он тут же отвел взгляд в сторону. Они знали об оружии заранее. Вероятнее всего,

сами его и заказали. Таких людей, как полковник Паккард, не нанимают для увеселительных прогулок.

– Исчерпывающе, – сказал он.

Во все это вникать сейчас не стоило, и отказываться от участия в экспедиции он не собирался. Требовалось лишь соблюдать сугубую осторожность, и в этом ничего дурного не было.

– Вскоре состоится предварительное совещание – в офицерской кают-компании, – сообщил Ранда. – А пока – прогуляйтесь, осмотритесь…

Конрад пожелал всем доброго дня, отошел к борту и принялся наблюдать за окончанием погрузки. Ему предстояло неделю, а то и больше, провести в море, и потому хотелось как следует насмотреться на твердую землю.

Именно в такие периоды, на заре новых операций, ему вспоминалась Дженни. Когда его послали на ее поиски, ей было семь. Банда индонезийских дезертиров похитила девочку ради выкупа, но правительство Малайзии отказалось платить. Вместо этого они обратились за помощью к британскому военному спецназу, и Конрад со своей командой, уже привыкший к вольной трактовке границ между Малайзией и Индонезией[24 - Воспоминания Конрада относятся ко временам Индонезийско-малайзийской конфронтации 1963–1966 годов, малой необъявленной войны, в которой также участвовали войска Австралии, Новой Зеландии и Британии.], отправился за ней. Им было приказано найти девочку и доставить ее обратно, сохранив ее жизнь любой ценой. В конце концов, она была незаконной дочерью работника британского посольства, хоть и рожденной от туземки.

В самом начале операции возникла куча проблем. Конрад сразу заподозрил, что кое-кто из облеченных властью вовсе не желает им успеха, хотя от них, конечно, и ждут всех и всяческих стараний. Конечно, громкая спасательная операция куда хлопотнее, чем обычный поиск тела, но он и его ребята знали, что на кону – жизнь ребенка. Ночью, встав лагерем в густых приграничных джунглях и сгрудившись вокруг костра, все они, шестеро, поклялись спасти жизнь девочки, несмотря на любые изменения в приказах, которые могли последовать.

За эту клятву некоторые из них отдали жизни, а прочим пришлось жить дальше, весьма сожалея о ней.

Они взялись за дело жестко, не мешкая. Первые дни ушли на выяснение местонахождения похитителей, поиск их следов, указавших на отдаленный укрепрайон в горах, оценку ситуации и составление плана. Спасательная операция началась всего через семь дней после пересечения границы.

Все они знали свое дело. Конрад и еще два бойца осуществили отвлекающий маневр, уничтожив схрон с оружием и боеприпасами, устроенный в горной долине, в миле от базы дезертиров. Остальные трое из группы проникли в укрепрайон, уничтожили охрану и ушли, забрав с собой девочку.

Дженни оказалась очень симпатична, храбра и пугающе умна. Она понимала, что эти люди пришли к ней на выручку, и послушно выполняла все указания. Она даже плакать и дрожать от пережитого ужаса начала только через час после того, как они покинули укрепрайон и направились в сторону границы.

А вот радировать о своем успехе и возвращении было ошибкой.

На засаду они нарвались неожиданно, уже углубившись на территорию Малайзии минимум на милю и оказавшись в районе, предположительно не затронутом пограничными столкновениями между двумя взбаламученными народами. Конечно, они не расслаблялись, держались начеку и приняли бой, но двое бойцов из группы Конрада были убиты в перестрелке. А когда стрельба утихла и нападавшие исчезли так же быстро, как появились, Дженни была мертва. Лежала ничком с простреленной головой. Осмотрев рану, Конрад безошибочно определил: пуля была выпущена из снайперской винтовки. Это была не случайная гибель от шальной пули. Это было заранее спланированное убийство.

В тот день Конрад утратил значительную часть своего существа – доверие к стране и правительству, которым он служил, и веру в себя самого. Впервые в жизни он не сумел уберечь того, кого был послан спасти. Поэтому с тех пор он и выбирал себе разовые задания с предельной осторожностью. Он никогда не брался за работу, если видел, что шансы – против него.

То было его последнее задание в Специальной Авиадесантной Службе. В тот день для него началась новая жизнь – жизнь в отставке, и теперь, восемь лет спустя, он еще не решил, как ему построить эту новую жизнь.

Стоя на палубе, наблюдая за пирсом и размышляя над предстоящим путешествием, он попробовал оценить свои шансы. Сделать это, не зная подробностей операции, было трудно. Но это не мешало чувствовать знакомую дрожь – дрожь предвкушения нового предприятия. Несмотря на всю свою осторожность, в душе он жаждал приключений, а предстоящее, похоже, могло потянуть на целый приключенческий роман с продолжением.

Пожалуй, Паккард был прав – он делает дело, которое знает и любит.

Глава шестая

Ранда чувствовал, как нарастает с каждой минутой радостное волнение. Столько времени, столько сил потрачено – и вот экспедиция началась! Сколько всего пришлось организовывать и утрясать – и легальными путями, и подковерными способами, – и вот наконец-то он плывет!

Плывет к своему таинственному острову…

Его пробрало дрожью, и он окинул взглядом помещение, полное потных, усталых людей. Дрожь не имела никакой связи с температурой. Как же не задрожать, когда прямо здесь и сейчас, на твоих глазах, твоими руками творится История?

Те, кто знал его, сказали бы, что он положил на это лет пять. На самом деле он стремился к этому всю жизнь. Ему всегда страстно хотелось раздвинуть границы возможного, приподнять вуаль общепризнанной реальности и официальной науки и заглянуть за нее. Там, за этой вуалью, скрывались невиданные чудеса. Он всегда был уверен в этом, и поиск этих чудес был главной движущей силой всей его сознательной жизни. Детство он провел, уткнувшись носом в книгу. Пока друзья гоняли на велосипедах или лазали по старым рудникам в холмах Аризоны, он дни напролет торчал дома или в библиотеке, читая Жюля Верна и

Джека Лондона и придумывая собственные, еще более невероятные истории.

Билл никогда не записывал этих историй. Еще в юности дал себе слово, что его выдумки попадут на бумагу не раньше, чем станут реальностью. Он наслаждался полетами своей фантазии, которые пробуждали в нем тягу к путешествиям и открытиям. Но его песочницей для игр неизменно оставался реальный мир, а нянькой – наука.

Началась Вторая мировая война, и Ранду отправили в Северную Африку, а затем – в Италию. Он оказался отнюдь не самым старшим в своем подразделении, однако к нему быстро приклеилось прозвище «Проф» – «Профессор». Пока его сослуживцы находили радость в местном вине и женщинах, Ранда охотился за книгами о выжженных землях, через которые они шли, и жадно поглощал их историю, словно стараясь понять и запомнить, какими были эти земли, прежде чем пули, бомбы и кровь не изменили их ландшафт навсегда. Точнее говоря, он, точно губка, впитывал местные легенды и мифы и постоянно старался разглядеть зерно истины, которое – Билл знал это – кроется в любой сказке. Порой, наткнувшись на это зерно, он пытался взрастить его, но их постоянно бросали в новое сражение прежде, чем из семян древних сказаний прорастало нечто осязаемое.

Потом Ранду перебросили на Тихоокеанский театр военных действий, и перед ним открылся целый мир. Перемещаясь от острова к острову, он пытался спастись от окружающих ужасов, занимая мысли неведомыми, невероятными чудесами, и чувствовал, какое неохватное, несчетное множество нерассказанных сказок таит в себе этот безбрежный океан.

Цель его поисков мало-помалу определилась. По окончании войны он остался в этих краях, используя любую возможность для путешествий и нигде не задерживаясь дольше двух-трех месяцев. Случались в его жизни и женщины. Раз или два даже угораздило влюбиться. Но первая любовь неизменно одерживала верх, и, думая о неизбежных слезах разлуки, он смотрел вперед и предвкушал новые захватывающие открытия.

Круг поисков медленно, но верно сужался.

И вот теперь его жизнь обрела реальный смысл. Эту экспедицию он собирался задокументировать, а по возвращении – наконец-то изложить свои приключения

на бумаге. Все его невероятные грезы вот-вот станут несомненной истиной, и космический масштаб его помыслов будет явлен миру в виде серии научных статей, которые перетряхнут историю человечества до самых корней.

Оглядывая помещение, Ранда улыбнулся. Еще немного – и его амбиции оправдаются, сколь бы они ни были высоки.

В кают-компании собралось человек тридцать. Воздух гудел от множества негромких голосов. Чувствовалось общее волнение, смешанное с любопытством. Многие уже почуяли неординарность предстоящей экспедиции. У одной из стен стояли несколько демонстрационных стендов, укрытых простынями. Это еще сильнее возбуждало общий интерес.

Здесь были двенадцать человек из группы «Ландсата», щеголявшие в синих штормовках с ландсатовской эмблемой. Ранда видел, что лишь двум-трем из этих парней уже доводилось бывать в поле: остальные просто-таки излучали детский восторг. Для них это было настоящим приключением, и он был рад их энтузиазму. Именно так, наверное, выглядел он сам лет тридцать назад…

Особняком от всех сидели «Небесные Дьяволы» – пилоты, вторые пилоты и техники, а также Паккард, тот самый полковник с не знающим жалости лицом. Ранде полковник не нравился. Возможно, возмущала его манера нагонять страх, или на то были какие-то иные причины. В любом случае, Паккард был кадровым военным, и у Ранды сложилось стойкое впечатление, будто он смотрит свысока на любого человека без погонов.

В дальнем углу, в одиночестве, прислонившись к стене и разглядывая попутчиков, стоял Конрад. Отставной капитан САС тоже действовал на Ранду несколько пугающе – учитывая его прошлое и кое-какие делишки – однако Ранда невольно проникся к нему симпатией. Этот никогда не повышал голоса и, в отличие от Паккарда, не смотрел на штатских с явным превосходством. Хотя, возможно, лишь потому, что ни на миг не сомневался в собственном превосходстве над кем бы то ни было. Сейчас Конрад ненавязчиво, но внимательно изучал всех и вся вокруг, негромко пощелкивая крышкой зажигалки.

Ранда с самого начала решил, что с этим человеком экспедиции повезло.

Сам Ранда и шестеро членов его группы также уселись отдельно от остальных, поближе к первым рядам. Это вселяло ощущение всеобщей замкнутости, отчужденности, однако он надеялся, что за время плавания атмосфера изменится. Девяти дней в море должно хватить, чтобы лед между разобщенными группами растаял.

Особенно радовало то, что с ними Сан Лин. Не только потому, что она была гениальным ученым, автором сногсшибательных теорий – беседы с ней здорово помогали Ранде освежить в памяти китайский. Он никогда не упускал возможности овладеть любыми знаниями, которые могли принести пользу делу всей его жизни.

Увидев приближающегося Брукса, Ранда немедленно понял, что сейчас молодой человек автоматически переключится в режим флирта, – и не ошибся. Тот, подойдя прямо к Сан, подал ей руку.

– Привет. Я – Хьюстон Брукс.

– Вы ведь еще не знакомы, не так ли? – спросил Ранда. – Сан, Брукс – автор той самой йельской диссертации, о которой я рассказывал.

– Ах, тот самый геолог, – улыбнулась Сан, обмениваясь с Бруксом рукопожатиями. – Я – Сан Лин, биолог. Когда вас нанимали и до недавнего времени – работала в полевой экспедиции. Такое ощущение, будто и не прекращала.

– Сан исследовала бразильские джунгли, – пояснил Ранда. – Обязательно взгляни на ее находки. Весьма впечатляюще!

– Ага, я читал отчет, – сказал Брукс. – Занятные допущения.

Сан подняла бровь.

– Вот как? Вы настроены скептично?

– Не принимайте близко к сердцу, – заговорил Брукс, бросив взгляд на Ранду, – но меня все это ни в чем не убедило. Да и над моей диссертацией еще работать

и работать.

– Пожалуйста, будьте снисходительны к новичку, – вмешался Ранда, обрадовавшись случаю сбить с Брукса спесь. Да, он был неплохим парнем, но порой относился к делу слишком несерьезно. Сказывался недостаток увлеченности. – У него исключительно острый ум, он еще не научился ценить прелесть неизведанного. Ваша работа, мистер Брукс, не имеет ни единого изъяна, пусть даже вы сами не уверены в этом. И данная экспедиция докажет это раз и навсегда.

Ландсатовцы зашевелились. Оглянувшись, Ранда увидел Виктора Нивса, выступившего вперед. Подойдя к установленному перед собравшимися столу, он скользнул взглядом по укрытым простынями стендам, пошелестел стопкой бумаг и тревожно оглядел помещение. Поначалу Ранда решил, что парень нервничает, – некоторые совершенно не приспособлены к публичным выступлениям. Но тут же до него дошло: Нивс выглядит в точности как молодой и пылкий учитель, несущий ученикам сокровища знаний.

– Представление начинается, – негромко сказал Ранда, вновь ощутив дрожь радостного возбуждения, пробирающую до самых костей.

– Добро пожаловать! Рад приветствовать всех, – заговорил Нивс. – Я – Виктор Нивс, руководитель группы полевых исследований «Ландсата». А вон там сидит мой коллега, Стив Гибсон, занимающийся «выпасом данных»[25 - «Выпас данных» (англ. data wrangling) – подготовка больших массивов данных для последующего их анализа.].

Гибсон приветственно поднял руку. В помещении воцарилась тишина. Все напряженно ждали.

– Поясню для тех, кто не в курсе, – продолжал Нивс. – «Ландсат-один» – это искусственный спутник нашей планеты, наблюдающий один и тот же участок земной поверхности с периодичностью в шестнадцать суток и предоставляющий нам объективную картину, полученную при помощи мультиспектрального сканера и видикона с возвращаемым лучом, поставляющих восьмиразрядные данные…

«Идиот, – подумал Ранда. – Так облажаться и потерять внимание публики, едва начав»…

Собравшиеся уже переглядывались, закатывая глаза к потолку, и, встретившись взглядом с Нивсом, Ранда отрицательно покачал головой. В кают-компании послышались смешки. Кто-то из солдат Паккарда негромко выругался.

– Э-э… Мнэ-э… Короче говоря, спутник присылает нам фотографии Земли, сделанные из космоса. С самого старта программы «Ландсат» наша группа вела наблюдения за дюжиной ранее неизвестных массивов суши, обнаруженных спутниковой съемкой, с непосредственной целью организовать там полевые исследования. Мы полагаем, что данный остров, место нашей экспедиции, наиболее труден и интересен для исследований из всех обнаруженных. Все наши снимки свидетельствуют, что этот остров находится в центре практически постоянной штормовой системы. Это означает, что нам никогда не добраться бы туда по воздуху… поэтому – от всего сердца благодарю вас, третья вертолетная транспортно-десантная рота!

Паккард и его люди закивали. Двое-трое негромко выкрикнули: «Йю-ху-у!»

– Мы также рады, – продолжал Нивс, – первому знакомству с сейсморазведочной группой, возглавляемой мистером Рандой. В то время, как мы, картографы, сосредоточимся на поверхности острова, мистер Ранда займется тем, что лежит под ней. – Улыбнувшись Ранде, он кивнул Бруксу. – Мистер Брукс, вам слово!

Поднявшись и выйдя вперед, Брукс сдернул простыни с пары стендов. «Театральщина, – подумал Ранда. – Но это и к лучшему – так мы вернее завладеем вниманием публики». Под одной из простыней оказалась большая карта, под другой – экран. Включив проектор, Брукс вставил в него первый слайд. Большая карта была скомпилирована из множества спутниковых снимков, а слайды должны были показывать ее участки более крупно, во всех подробностях. Некоторые области были обведены контурами, другие – помечены стрелками.

Ранда глубоко вздохнул. «Надеюсь, хоть Брукс не облажается», – подумал он.

Настало время представить его план на всеобщее обозрение.

* * *

«Многовато поваров для одной кухни», – с неудовольствием подумал Конрад. Внимательно изучив собравшихся, он пришел к неутешительному выводу: в этом предприятии было замешано слишком много независимых сторон – каждая с собственными задачами и собственным лидером. «Ландсат», группа Ранды, «Небесные Дьяволы», журналистка. Он сам. И даже внутри этих небольших групп имелись люди, познакомившиеся друг с другом лишь сейчас. Брукс не знал китаянку – на этот факт явственно указывали его неуклюжие ухаживания, парни из «Ландсата» нервничали, словно школьники, впервые отправленные на экскурсию за город, а эта журналистка, Мейсон Уивер, похоже, вообще не была знакома ни с кем из присутствующих. Это было странно. Интересно, что она думает обо всем этом? Конрад надеялся, что вскоре ему представится случай спросить ее об этом.

Все это Конраду очень не нравилось. Вся организация экспедиции не внушала доверия, и, едва оказавшись на борту, он уже начал сомневаться в разумности своего решения. Конрад, не привыкший ошибаться в решениях, очень редко приходил к выводу, что сделал неверный выбор, и именно такие мысли не давали ему покоя сейчас.

То, о чем завел речь Брукс, отвлекло Конрада от размышлений и понравилось ему еще меньше.

– Мы проведем полномасштабную сейсмическую разведку недр острова, – сказал он, указывая на экран. – Облетим южный берег и сбросим вот в этой зоне датчики. Они обеспечат сбор с поверхности земли данных, полученных путем подрыва сейсмических зарядов, которые будут сброшены при следующем облете.

В кают-компании воцарилась мертвая тишина.

– Собираетесь бомбить? – спросил Конрад.

– Это всего лишь исследовательское оборудование, – возразил Брукс.

– Не одобряете? – вклинился Паккард.

Конрад пожал плечами:

– Ладно. Разве ученые когда-нибудь вели нас неверным курсом?

– Слыхали, ребята? – бросил Паккард своим. – Мы с вами – ученые!

Летчики захохотали, хлопая друг друга по спинам.

На экране замелькали слайды, демонстрировавшие волны от взрывов сейсмических зарядов, распространявшиеся под поверхностью острова и достигавшие датчиков, обозначенных красными точками. Затем при помощи примитивной анимации была показана передача данных от датчиков на регистрирующую аппаратуру, расположенную вокруг и внутри области исследований.

Вслед за Бруксом слово вновь взял Нивс:

– По окончании сейсморазведочных работ мы высадимся и разобьем лагерь. Он послужит базой для поисковых вылазок, с организацией которых нам поможет наш чудесный мистер Конрад.

– Ваш скромный гид, – сказал Конрад. – Чаевые приветствуются.

Нивс кивнул майору Чепмену из группы Паккарда. Тот быстро вышел вперед и повернулся к собравшимся. Как ни восхищали Конрада его деловитость и выправка, на душе стало еще тревожнее. Зачем мирной гражданской экспедиции могли потребоваться вертолеты огневой поддержки, сейсмические бомбы и уйма канистр с напалмом?

– Как только мы прибудем на остров, – сообщил Чепмен, – возмущения магнитного поля, создаваемые грозовым фронтом, сделают невозможной какую-либо радиосвязь с «Афиной». Это означает, что мы будем предоставлены сами себе. Через трое суток нас будут ждать здесь… – он указал на карту. – Северное побережье, тринадцать ноль-ноль. Это будет единственное безопасное «окно» для эвакуации в течение неопределенного срока. Поэтому никакие задержки недопустимы.

Собравшиеся тревожно зашептались. Взглянув через зал, Конрад встретился взглядом с Уивер. Одарив его холодной улыбкой, она отвернулась. Казалось, она не разделяла всеобщего беспокойства, и Конрад понимал, отчего: видимо, она еще не поняла, к чему идет дело.

Впрочем, всей подоплеки этой экспедиции, похоже, еще не знал никто.

Глава седьмая

Разжившись выпивкой у барной стойки, Ранда опустился на табурет рядом с Нивсом и прочими из его группы. Что ж, на этом судне хотя бы имелся офицерский салон. На этот рейс он был зарезервирован для пассажиров – члены команды не допускались. Ранда думал, что Паккард явится один – ну, может, приведет с собой майора Чепмена, но полковника, похоже, вполне устраивало, что здесь же выпивают и его бойцы. Ранда против этого тоже не возражал – их присутствие сообщало салону атмосферу непринужденности, столь необходимую сейчас всей экспедиции.

Однако в данный момент он пришел сюда не ради отдыха, и Нивс это понимал. Он был здесь, потому что на корабль проник посторонний, а это могло поставить под угрозу все его скрупулезное планирование. Вся тщательно соблюдавшаяся секретность могла полететь к чертям.

– Ну? – спросил Ранда.

Нивс прекрасно понял, о чем речь.

– Послушай, Билл… Выходит так, что тот тип, которого мы наняли, отказался в последний момент. Я сам узнал об этом только сейчас.

– Кандидатура не рассмотрена. Личные данные не проверены.

– Ну и что? Не понимаю, в чем проблема, – возразил Нивс. – Согласно нашим стандартным процедурам, в подобных экспедициях должен быть штатный фотограф.

Ранда тяжело вздохнул, стараясь сдержать злость. Внезапное появление этой Уивер могло испортить все. Чим, можно сказать, был у него в кармане, и потому на него можно было положиться – насколько вообще можно полагаться на журналистов. А эта женщина не зависела от него ни в чем. В конце концов, это была его экспедиция, и «темная лошадка» среди своих ему совсем не нравилась.

– Послужной список у нее впечатляющий, – заметила Сан.

– Мне плевать, что там у нее впечатляющее, она – журналист! – с досадой сказал Ранда.

При этих словах Сан с Нивсом уставились на нечто за его плечом, и Ранда понял, что Уивер стоит прямо за его спиной. Но и на это ему было плевать. Он был достаточно толстокож, чтобы стесняться подобных социальных ляпсусов. Но все же он изобразил на лице улыбку, встал и развернулся.

– А, мисс Уивер! Билл Ранда, начальник экспедиции. Рад видеть вас в наших рядах.

– Так из какого вы правительственного учреждения? – спросила она в ответ. Вот так. Ни преамбул, ни даже «здрасьте». Прямо к делу. – Я не разобрала аббревиатуру.

– А я ее и не называл, – ответил Ранда, убирая с лица улыбку. – Мы – исследователи. Так сказать, первооткрыватели.

– Первооткрыватели… – Уивер оглядела собравшихся, точно фотографируя их невооруженным глазом. Вполне вероятно, что и в прошлом большинства из них она загодя озаботилась покопаться. – Я думала, что это кончилось в эпоху пионеров[26 - Американские пионеры – люди, которые в разные периоды истории США, особенно в XVIII веке и в первой половине XIX века, переселялись на запад, заселяя новые территории.]. С тех пор идеалы Явного предначертания[27 - Явное предначертание или Предопределение Судьбы (англ. Manifest Destiny) – крылатое выражение, которое используется для оправдания американского экспансионизма.] сильно упали в цене.

– Да, наш век – век цинизма, – абсолютно искренне заметил Ранда.

– Знаете, как тонко можно настроить внутренний фуфлометр за пять лет участия в военных пресс-конференциях?

– Послушайте, мисс…

– Мисс Уивер.

– Да, верно. Мисс Уивер. Неужели европейцы пускались в плавания по неизведанным морям ради золота? Или все же их сильнее влекла вперед тайна и жажда знаний?

– Ради золота, я уверен, – ответил за нее Конрад, стоявший у стойки неподалеку.

Подняв кружку с пивом, он лихо опорожнил ее и двинулся к выходу. Уивер проводила его взглядом. Ранде очень хотелось схватить следопыта за плечо, развернуть к себе и как следует отчитать. Однако он помнил о том, на что способен этот человек – за это он его и нанял, – и последнее, чего бы ему хотелось, это разозлить его. Если после высадки на остров все пойдет наперекосяк, то такого человека, как Конрад, следовало иметь на своей стороне.

К беседе – самим фактом своего присутствия – присоединился Паккард, подошедший к бару налить себе еще виски.

– Вы знакомы с мисс Уивер, полковник? – поинтересовался Ранда.

– Я знаком с ее работой, – ответил старый солдат, ни на йоту не меняясь в лице. – И мне она не нравится.

Единым духом прикончив свой виски, Паккард коснулся виска двумя пальцами и покинул салон.

– Замечательную вы собрали экспедиционную партию, – негромко сказала Уивер, склонившись к уху Ранды.

Подойдя к бару, она налила себе выпить.

* * *

В море Конраду нравилось. Порой казалось, будто, поднявшись на борт корабля, он оставляет позади все, сделанное в прошлом, а плавание обещает новые горизонты, новую жизнь впереди. А фосфорическое мерцание кильватерной струи за кормой оставалось позади, точно обломки прошлых дел.

Вот и сейчас в кильватерном следе ему привиделось лицо маленькой Дженни. Он часто видел ее лицо.

Да, потребовалось очень много времени, но Конрад вполне примирился со своей жизнью. Он сам выбирал себе путь, и даже если приходилось убивать, то убивал лишь тогда, когда это было необходимо. Когда, если не убьешь, будешь убит сам или подвергнешь риску жизни других. Он много раз убивал в бою. Одного прикончил во сне. Еще одну сжег в машине – живьем. Но этих и людьми назвать было сложно. Нелюди это были, иначе и не скажешь…

Он всегда делал выбор сам и неплохо уживался с ним. Промахнулся только раз, и его промах стоил малышке Дженни жизни, а ему потребовались годы, чтобы научиться мириться с этим. Может, это и эгоизм, или даже трусость, но он мало-помалу признал, что его вины тут не было. Просто – не в силах ведь он спасти всех до единого. И всякий раз, вспоминая ее лицо и печальный голос, он старался заменить эти воспоминания голосами и лицами тех, кого смог спасти. Сбитые летчики, оставленные на поле боя солдаты, штатские неумехи, влипшие в ситуации, намного превышавшие их скромные способности… Множество тех, кто неизбежно погиб бы, если бы не он, до сих пор были живы и здоровы. А его, точно в насмешку, мучили, не давая покоя, не те жизни, которые он отнял, а та единственная, которую отнял не он.

Однако сейчас, на борту корабля, плывшего через безбрежный простор Тихого океана к новому неведомому будущему, ему было хорошо – пусть даже его обманывали.

* * *

Разведка, затеянная Конрадом, чтобы раскрыть обман, тоже подняла настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Норт Америкэн P-51 Мустанг» (англ. North American P-51 Mustang) – американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия времен Второй мировой войны. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

2

Мицубиси A6M Зеро – японский легкий палубный истребитель времен Второй мировой войны.

3

Джап (англ. jap) – пренебрежительное прозвище японцев, сродни русскому «япошка».

4

Штатное оружие японских летчиков времен Великой Отечественной войны – восьмизарядный пистолет «Намбу» тип 14 обр.1932/1934 гг.

5

Речь идет о последствиях нефтяного кризиса 1973 года. 17 октября арабские страны – производители нефти во главе с Саудовской Аравией заявили, что не будут продавать нефть государствам, поддержавшим Израиль в его конфликте с Сирией и Египтом. В результате в США наступил дефицит бензина, несмотря на повышение цен.

6

Уотергейтский скандал разразился в 1972 году после того, как в штабе кандидата в президенты от демократической партии США были задержаны люди, устанавливающие подслушивающую аппаратуру. В результате в 1974 году президент Никсон был вынужден досрочно подать в отставку. Это было единственным за всю историю США случаем, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение своих обязанностей.

7

«Избавление» (англ. Deliverance) – кинофильм режиссера Джона Бурмена; считается одним из лучших фильмов 1972 г.

8

27 января 1973 г., день подписания Парижских мирных соглашений, в результате которых американские войска были выведены из Вьетнама к концу марта 1973 года.

9

Лекарство, используемое при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта.

10

Кирибати – тихоокеанское островное государство, расположенное в Микронезии и Полинезии.

11

Проект СЕТИ (англ. SETI, Search for Extraterrestrial Intelligence) – общее название проектов и мероприятий по поиску внеземных цивилизаций и возможному вступлению с ними в контакт.

12

LANDSAT (от англ. land + satellite) – программа получения спутниковых фотоснимков планеты Земля. Первый спутник в рамках этой программы был запущен в 1972 г.

13

Уорент-офицер (англ. Warrant Officer) – группа воинских званий в англоязычных странах. По статусу уорент-офицер занимает промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами, обычно выполняет функции технического специалиста.

14

«Хьюи» (англ. Huey) – Белл UH-1 «Ирокез» (англ. Bell UH-1 Iroquois) – американский многоцелевой вертолет, одна из самых известных и массовых машин в истории вертолетостроения.

15

Eastern Air Lines (EAL) – одна из четырех крупнейших авиакомпаний США, существовавшая с 1927 по 1991 год.

16

Слик (англ. slick) – жаргонное название вертолета UH-1 времен войны во Вьетнаме.

17

«Сикорский CH-53 Си Стэллион» (англ. Sikorsky CH-53 Sea Stallion) – тяжелый транспортно-десантный вертолет, способный нести свыше 13 тонн груза или 38 десантников. При этом является одним из первых вертолетов, на котором были исполнены фигуры высшего пилотажа – бочка и мертвая петля.

18

Как правило, Мейсон – мужское имя, хотя встречаются и исключения.

19

Группа исследований и наблюдений управления по оказанию военной помощи (Military Assistance Command Studies and Observations Group) была сформирована в 1964 г. в рамках секретной операции OPLAN 34A для выполнения диверсий и рейдов на территории Северного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. Состояла из Северного, Центрального и Южного подразделений.

20

M134 «Миниган» (англ. M134 MINIGUN / GAU-2/A), американский шестиствольный пулемет калибра 7,62 мм.

21

Браунинг M2 (англ. Browning M2) – американский пулемет калибра.50 дюйма (12,7 мм).

22

Особая воздушная служба (англ. Special Air Service, также расшифровывается как Специальная авиадесантная служба) – специальное подразделение вооруженных сил Великобритании, занимающееся разведкой сил противника, участвующее в контртеррористических и спасательных операциях, а также в освобождении заложников.

23

Англ. «Who Dares Wins» – девиз британской САС.

24

Воспоминания Конрада относятся ко временам Индонезийско-малайзийской конфронтации 1963–1966 годов, малой необъявленной войны, в которой также участвовали войска Австралии, Новой Зеландии и Британии.

25

«Выпас данных» (англ. data wrangling) – подготовка больших массивов данных для последующего их анализа.

26

Американские пионеры – люди, которые в разные периоды истории США, особенно в XVIII веке и в первой половине XIX века, переселялись на запад, заселяя новые территории.

27

Явное предначертание или Предопределение Судьбы (англ. Manifest Destiny) – крылатое выражение, которое используется для оправдания американского экспансионизма.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/lebbon_tim/kong-ostrov-cherepa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить